

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН

ГОЛУБЯТНЯ
НА ЖЕЛТОЙ
ПОЛЯНЕ

Владислав Петрович Крапивин

Голубятня на желтой поляне

Серия «Великий Кристалл», книга 9

Авторская версия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=129367

Крапивин В. Голубятня на желтой поляне: Авторский сборник: Эксмо;

М.; 2006

ISBN 978-5-699-10778-0

Аннотация

Трилогия «Голубятня на желтой поляне» повествует о судьбе разведчика Дальнего космоса Ярослава Родина и его друзей, которые вступили в борьбу с цивилизацией паразитов – «Тех, которые велят».

Эта книга о том, как сила человеческих привязанностей оказывается сильнее межгалактических расстояний, безжалостного времени и поселившегося в мире зла. Правда, чтобы преодолеть одиночество, взрослым и юным героям надо пройти немало трудных путей и порой решаться на смертельный риск...

Содержание

ГОЛУБЯТНЯ В ОРЕХОВЕ	4
Вступление	4
Глава первая	17
Глава вторая	60
Глава третья	100
Глава четвертая	124
Глава пятая	157
Конец ознакомительного фрагмента.	164

Владислав КРАПИВИН

ГОЛУБЯТНЯ НА ЖЕЛТОЙ ПОЛЯНЕ

Роман-трилогия

ГОЛУБЯТНЯ В ОРЕХОВЕ

Вступление ОДИН И ЧЕТЫРЕ

Был, видимо, июнь. У цирка цвели кусты жёлтой акации. Алька, не вставая со скамьи, дотянулся до ветки, сорвал похожий на ушастого зверька цветок, сунул в рот. Сладко зажмурился.

Тик посмотрел на Альку и сделал то же самое.

– Травоядные, – сказала Данка.

Тогда и Чита, не отрываясь от книги, добыл себе цветочек.

Яр вспомнил, отчетливо вспомнил, как всасывается в язык сладковатый, с травянистым запахом лета сок. Виновато посмотрел на Данку и тоже потянулся к ветке. Данка сделала вид, что не заметила.

Яр осторожно раскусил корешок цветка, тихонько засмеялся и закрыл глаза. Он отчетливо слышал голос мамы: "Яська, опять ты жуёшь эту зелень! Ты превратишься в верблюда".

"Ещё немного, и я вспомню мамино лицо", — подумал Яр.

В сквере было шумно. До утреннего представления оставалось минут сорок, в цирк пока никто не спешил. Мальчишки и девчонки играли в прятки и догонялки. Кто-то смеялся, кто-то кричал: "Это не по правилам, пускай теперь Сашка ищет!" Щёлкали пистонные пистолеты. Перебивали и путали друг друга считалки.

Вот знакомая:

На золотом крыльце сидели
Царь, царевич, король, королевич...

Вот незнакомая:

Раз-два! Три-четыре!
Синий слон живёт в квартире!
На слоне лежит доска,
Раз-два-три —
Тебе искать!

Яр вспомнил, как он, зажмурившись и прижавшись лбом к забору, торопил приятелей: «Раз-два-три-четыре-пять: я иду искать! Кто не спрятался – я не виноват!» Та-та-та-та! – разлетался топот подошв. Разбегутся, притаятся. И тихо во дворе, как на пустой планете...

Не надо про планеты.

Надо сидеть и радоваться подарку судьбы. Лету. Вот этим голосам и смеху...

Кто-то радуется, а кто-то не очень. Вон курчавый пацанёнок в клетчатом костюмчике поссорился с мальчишками. Они кричат:

– Не видишь, что ли, нас уже четверо!

– Ну и что? Никто же не узнает! – обиженно доказывает он.

– Ненормальный какой-то! Иди один, а то получишь!

Ребята убежали, а курчавый мальчишка надулся и так сердито сунул в кармашки кулаки, что весь его жёлто-синий костюмчик смялся и скособочился.

Яр пожалел мальчишку, как самого себя. Когда он был маленький, его, случалось, тоже не брали в компанию...

Алька забрался на спинку скамьи, балансировал на ней и рвал с куста цветки покрупнее.

– Сядь, – сказала Данка. – Свалишься и весь извозишься.

– Щас... – Алька прыгнул, зацепил Читу. – Ой...

– Обормот, – вздохнул Чита. И снова взялся за чтение.

– Правильно, обормот, – сказала Данка. – А ты, Вадик, тоже. Хотя бы сегодня обошёлся без книжки... Такое дело, а ты...

– Я всё понимаю. Одно другому не мешает.

– Что тебе говорила учительница? – поддел Читы Алька. – "Если бы ты, Вадик, глотал учебники, как глотаешь книжки, ты учился бы на одни четвёрки".

Чита перелистнул страницу.

– А почему не на пятёрки? – спросил Яр.

Чита поднял голову и снял очки. Данка округлила глаза. Тик... в его карих глазах – Яр увидел ясно – метнулись непонятные тревога и радость. Алька подскочил и свалился в траву.

– Вот это да! Вот сказать бы ей: "Поставьте мне пять"!

– Ребята, вы не смейтесь, – растерянно сказал Яр. – Конечно, я могу что-то напутать... Вот когда мы учились...

Алька от смеха перекатился с травы на песок дорожки. Данка подняла его и бесцеремонно шлёпнула.

– Ну что за чучело!

Из какого-то незаметного кармашка выдернула платочек, стала смахивать сухой песок с белой Алькиной рубашки – ещё недавно чистой и отглаженной. А заодно – с волос, шеи, щёк и ушей. Алька, чуть косолапя, перебирал исцарапанными ногами, фыркал, отворачивался и всё время хихикал.

Потом успокоились, опять расселись на скамейке. После споров и смеха выпадают иногда такие тихие минутки. Дан-

ка, укоризненно вздыхая, сворачивала платок. Алька помусоленным пальцем стирал с колена прилипшие песчинки и заглядывал в книжку Читы. Тик молчаливо приткнулся к Яру. Яр обнял его за плечо, откинулся на спинку скамьи и разглядывал здание цирка.

Это был старый деревянный цирк. Поразительно знакомый. Над парадным входом подымались на дыбы громадные фанерные кони – чёрные с красными сёдлами. В стороне от них белозубо улыбалась фокусница София Марчес с пунцовой розой в смоляных волосах. И держала на ладони лилипута (София и лилипут тоже были фанерные).

Яр вспомнил, как он, восьмилетний, с замиранием ждал на представлении, когда же София вытащит из какой-нибудь вазы или коробки крошечного лилипутика и вот так поставит на ладонь. Но этого ни разу не случилось. Лилипуты, выступавшие в аттракционе Марчес, были не такие уж маленькие – ростом вот с этого "клетчатого" мальчика, который всё ещё стоял с кулаками в тесных кармашках.

Мальчик будто ощутил взгляд Яра, сердито обернулся, растопырил локти и зашагал через кусты к дальнему дощатому забору.

– А что за забором? – спросил Яр у Данки. – Городской сад?

Она кивнула. Алька вскочил:

– Конечно, сад! Мы там в пиратов играем! Там по вечерам гулянья, а днем почти никого... Только там в гущине крапи-

ВЫ МНОГО.

Яр осторожно сказал:

– Мне кажется, там должен быть фонтан. Два мальчика с луком...

– Да, – быстро отозвался Тик. – Хочешь посмотреть? Это близко, там в заборе дыра...

Фонтан стоял посреди поляны, окруженной старыми березами. Это был круглый каменный бассейн. Посреди бассейна торчала сложенная из булыжников горка, а на ней темнели фигурки двух бронзовых мальчишек. Один, вытянувшись в струнку, поднял согнутый лук с нацеленной в зенит стрелой. Другой сидел у его ног и держал запасные стрелы. Оба смотрели вверх.

"Сколько лет они в этом саду... – подумал Яр. – Вечные ровесники всех мальчишек, которые здесь играли и будут играть... А там в последний раз их не было. И сада не было, и цирка..."

Фонтан работал в четверть силы. Из тонкой трубки-стрелы выбивалась небольшая струйка, и вода стекала по мальчишечьим рукам и плечам (на плечах лежали зелёные полоски медной окиси). На внутренней стороне бассейна выплёвывали водяные жгутики озорные детские рожицы, тоже отлитые из бронзы. В бассейне вода слегка рябила, но сквозь неё хорошо различалось бетонное дно. Яр заметил дрожащий блеск нескольких белых и жёлтых монеток.

– Ура, – деловито сказал Алька, – будет нам мороженое.

Дрыгнув ногами, он скинул растоптанные сандалеты и соскользнул с края бассейна в воду. Тик хотел пойти за ним, но Данка не пустила:

– Если будет мокрый, то пускай хотя бы один... И вообще это неприлично – мелочь в воде собирать.

– Дана, не обрастай предрассудками, как классная дама, – возразил Чита. – Все собирают.

– И вовсе я не буду мокрый, – сказал Алька. Вода была ему чуть выше колен. – Ух и тёплая...

Он стал бродить вокруг каменной горки. Иногда нагибался и, макая подвёрнутый выше локтя рукавчик, доставал добычу.

– Вон ещё денежка! – командовал Тик.

– И вон! – показывал снятыми очками Чита.

Яр тоже не зевал:

– Алька, смотри! Рядом с ногой!

Даже Данка сперва увлеклась. Но скоро сказала:

– Хватит уже. В цирк опоздаем.

– Там ещё много осталось, – с сожалением отозвался Алька. Но пошёл к барьеру.

– Сюда каждый вечер монетки бросают, – объяснила Данка Яру, – потому что этот фонтан все любят. Он все нашествия пережил.

"Какие нашествия?" – хотел спросить Яр. Но тут приблизился Алька, пришлось его вытаскивать на сушу.

– Много? – спросил Тик.

Алька разжал кулачок. На ладони лежала кучка мокрых монеток – серебристых и медных. Яр взял одну жёлтую. Размером она была в точности как знакомые по давнему детству пятаки. И тоже рубчики по краям. Но изображение оказалось незнакомым: четырёхугольная звезда, похожая на розу ветров. Яр перевернул монету, и поморщился от неожиданности: на другой стороне была цифра 4. В подтверждение её по кругу шла надпись:

Четыре копейки. Размен. знак

Яр с непонятной досадой положил «обманный пятак» в Алькину ладошку. Потом рассердился на себя: расстраиваться из-за такой мелочи, как незнакомая монетка, просто глупо. После всего, что случилось!

Он поймал тревожный взгляд Тика: "Что-то не так?"

"Всё в порядке", – улыбнулся Яр.

И Тик улыбнулся. Чуть виновато.

Они пошли к лазейке, ведущей в сквер, к цирку. Алька, гордый добычей, топал впереди. Яру показалось, что Алькина походка стала чуть больше "кавалерийской", чем раньше. И тут же Данка сказала:

– Ты почему хромаешь?

– Да так...

– Алька!

– Ну, там, кажется, стекло было...

– Вечно с тобой истории, – Данка опять достала платочек. – Дай сюда ногу, балда... Вот засоришь да схватишь какую-нибудь заразу...

– Ой, уже схватил... Р-р-р! У меня бешенство! – Алька запрыгал на одной ноге.

– Дурь у тебя... – Данка разорвала платок на ленты. Общими силами замотали порезанную Алькину ступню (он хихикал от щекотки). – Обувайся, радость ненаглядная. Да ступай осторожнее.

– "Осторожнее, осторожнее"... Нога, что ли, отвалится?

– Не ворчи и слушайся старших, – усмехнулся Чита.

– Это Дарья-то старшая? Ой-ой-ой! Вот это да!

– Тогда меня слушайся, – сказал Яр. – Я-то уж точно старше. Даже и не сосчитать, во сколько раз.

Не оглядываясь, Алька проговорил с ехидцей:

– Ну и что? Зато ты не настоящий, а придуманный.

– Алька! – со звоном сказал Тик.

Все остановились. Чита растерянно надел очки.

– Алька, ты что?... – сказала Данка.

Алька быстро глянул на всех, отвернулся и засопел.

Тяжёлая неловкость навалилась на всю компанию. Яр коротко вздохнул. Обижаться было глупо. Но всё же на миг ему стало жаль себя. Так же, как жаль было курчавого мальчишку, которого недавно прогнали четверо приятелей...

Судя по всему, назревала ссора. Может быть, даже со сле-

зами. В такой, казалось бы, дружной компании!

Чтобы всё сделать шуткой. Яр крикнул, как рассерженный Дед Мороз, и пробасил:

– Тут где-то растёт крапива, про которую ты говорил. Я вот сорву, а там посмотрим, придуманный я или нет.

Это прозвучало ненатурально и глупо. Данка отвела от Яра глаза и сказала Альке:

– Бессовестный. Извиняйся сейчас же.

Алька порозовел, опустил пшеничные ресницы. Сказал сипловато, но всё же с чуть заметной игривой ноткой:

– Простите, пожалуйста, я исправлюсь.

– Бессовестный, – опять сказала Данка.

– Мы не опоздаем? – чересчур озабоченно спросил Тик.

Яр взглянул на часы.

– Двадцать минут до звонка. Пошли! Мы ведь хотели ещё мороженого купить.

– В цирке за мороженым сейчас очередища, – возразила Данка. – А здесь, в саду, недалеко киоск есть. Вы идите и подождите меня у скамейки, я сбегаю. Алька, дай деньги.

Насупленный Алька вытряс из кармана монетки.

Тик переглянулся с Данкой.

– Я с тобой сбегаю! Тебе не унести столько порций. Сразу... пять...

– Я с вами, – сумрачно сказал Алька.

– Ты хромой.

Данка и Тик умчались. Алька секунду подумал и кинулся

за ними...

Яр и Чита сели в сквере на прежнее место. Чита сию же минуту уткнулся в книгу. Яра это даже слегка разозлило. Но он постарался прогнать досаду и неясную тревогу. Вдохнул в себя лето и стал смотреть, как втягивается в цирковые двери пестрая ребячья толпа.

Яра легонько тронули за плечо. Сзади стоял хмурый Алька. Он шагнул назад и поманил Яра за собой.

Они быстро отошли.

– Что, Алька? – с испугом спросил Яр.

Это был какой-то другой Алька. Без всякой смешинки в серо-зелёных своих глазах, будто похудевший и подросший..

– Что, Алька? Что случилось?

Тот шагнул к Яру вплотную, прочно взялся за его рубашку, уткнул ему под рёбра запрокинутый подбородок. И, глядя снизу вверх, тихо спросил:

– Ты о ч е н ь обиделся?

Яра накрыло тёплой волной.

– Ну что ты, Алька, – одними губами сказал он.

– Нет, правду скажи.

И Яр сказал правду:

– Самую капельку. Но сейчас уже несколько не обижаюсь.

Честное слово.

Алька переглотнул. Ещё острее уткнулся подбородком.

– Пожалуйста... Ну, пожалуйста-пожалуйста, извини меня. Ладно?

Яр улыбнулся, пятернёй взъерошил Алькины нестриженные волосы. Несколько секунд Алька смотрел с жалобной тревогой. Потом тоже заулыбался, превращаясь в прежнего Альку. Яр подхватил его, невесомого, вскинул на вытянутых руках, закружил над собой. Алька радостно заверещал, дрыгая ногами и теряя сандалеты. Подбежали Данка и Тик. Подошёл Чита.

– Я тоже так хочу, – сказал Тик.

Яр усадил босого Альку в траву, взметнул вверх Тика. Тик не стал верещать, упруго выгнулся, раскинул в стороны ноги, развел прямые руки (в каждой – стаканчик с мороженым).

– У нас такое упражнение называлось "мельница", – вращая Тика над головой, сказал Яр.

– А у нас – "штурвал"! – крикнул Тик.

И правда, его тонкие ноги и руки мелькали, как спицы в рулевом колесе парусного корабля из старинного фильма про пиратов.

Яр приземлил Тика и спросил у Данки:

– Тебя повертеть?

– Нет, я уже большая, – вздохнула она.

Предлагать "верчение" серьёзному Чите Яр не решился. Но тот сказал ревниво:

– А меня?

– Ты, наверно, и там читать будешь?

– Не-а, – отозвался Чита с дурашливой, почти Алькиной интонацией. И отдал Альке очки (тот сразу их нацепил). А

Яр уже не первый раз подумал вот о чём: обычно, если человек снимает очки, взгляд его делается беспомощным, а у Читы – у Вадика – глаза становились твёрдыми, как у стрелка из лука.

– Летим, – сказал Чита.

...А через пять минут они сидели в цирке. Лизали остатки тающего мороженого. Смотрели, как над жёлтой ареной зажигаются фонари. У выхода выстроились униформисты в красных с золотом мундирах. Пахло опилками, конюшней, сухим лаком скамеек. Голоса и смех уносились под купол, где блестели никелем трапеции. Стоял такой знакомый «цирковой» гул. Всё было, как раньше...

Когда раньше? Где?

"Этого не может быть!" – опять резанула Яра холодная мысль. Но тут же улетела. "Ну и пусть! – мысленно крикнул ей вслед Яр. – Это есть!"

Оркестранты на балконе гудели и пиликали вразнобой – пробовали свои скрипки и тромбоны. И вдруг замолчали. Вспыхнули ещё фонари – яркие до синевы. Над оркестром на тёмном панно забегали, запереливались круглые цветные огни.

Яр подумал, что это похоже на щит корабельного компьютера. Конечно, когда корабль меняет режим. А если крейсер висит в субпространстве, то огни горят неподвижно...

Глава первая

ГОСТЬ

1

Огни горели неподвижно. Могли они и совсем не гореть. Свечение лампочек на пульте было лишь традицией. По крайней мере, когда крейсер зависал в субпространстве перед дальним «прыжком». Вахта в это время тоже была не нужна. Если кто-то и дежурил, то опять же отдавая дань традиции или бессоннице.

Капитан Виктор Сайский бессонницей не страдал, а традиций не одобрял, так как они уставом СКДР не оговаривались. Но, с другой стороны, они не были и нарушением. Поэтому Сайский лишь досадливо помолчал, когда Ярослав сообщил, что не пойдёт спать и останется у пульта.

Ярослав был старше всех в экипаже, старше даже астронавигатора Олега Борисовича Кошки, хотя тот уже выглядел пенсионером. У Сайского могли возникнуть подозрения, что разведчик Ярослав Родин просто не доверяет автоматике крейсера, а заодно и капитану, который эту автоматику сам отлаживал и проверял. До последней ячейки! Но высказывать подозрения и вступать в спор капитан не мог. Помол-

чав, он только спросил:

– Ну... а что же вы собиретесь делать в течение сорока часов? Если не секрет.

– Не секрет, – без улыбки сказал Ярослав. – Буду сидеть. Вспоминать...

Он говорил правду. Часы молчания, когда крейсер повисал вне привычных измерений и понятий, когда он по земным представлениям просто не существовал, и ничего, *абсолютно ничего* не могло случиться, Ярослав любил. Любил тишину и домашнее тиканье пружинного будильника «Янтарь». Будильник неторопливо отмерял локальное время.

Ярослав сидел и вспоминал. Собственно, это было главное, что оставалось у него. От поиска Яр ничего не ждал. Скорее всего, опять будут пустые ненужные планеты: каменные глыбы, сожжённые жёстким излучением, или жидкие шары в оболочках метановых и аммиачных атмосфер. Они годятся для диссертаций, а для жизни бесполезны.

А если и будет жизнь – вроде микробов и горного мха на Виктории или тех безобидных песчаных тварей на АЦ-1, – ну и что?

Вероятность найти цивилизацию, с которой можно общаться, равна ноль целых, ноль, ноль, ноль, ноль... Найти остатки такой цивилизации легче. По крайней мере, на Леде нашли. И тысячи умов кинулись разгадывать: кто были существа, построившие посреди каменистой равнины громадный арочный мост? Что означают мозаичные фигуры на по-

ле, частично изрытом ударами метеоритов? Кто-то уверял, что нашёл разгадку. Была даже написана "История цивилизации Леды". Сначала она понравилась Ярославу. Позже он перелистывал её с усмешкой. Автор строил догадки и доказательства, то и дело пристёгивая факты из истории Земли. Это было похоже на попытку примерить чужую одежду. Ярослава перестали интересовать загадки мозаичных фигур и гигантских арок.

Волновать себя тайнами давно сгинувших в космосе жизней? Зачем, если не сумел разобраться в своей?

Это был не эгоизм. Скорее, это было одиночество. А может быть, усталость.

И, оставаясь один, Ярослав теперь вспоминал не Леду, не Чёрные Кристаллы, не метановые вихри Меркатора и не стада песчаных кротов на АЦ-1. Он вспоминал двор на улице Огарёва. Юрку вспоминал, Славика, игру в лунки, синие вечера с костром на лужайке за стадионом и бумажные самолеты, которые пускали с голубятни. И очень часто – маму.

Мамина могила не сохранилась.

Когда Яр пришёл из первого броска, кладбище – уже сильно заросшее – ещё темнело над речным обрывом. Он отыскал тогда холмик с решёткой и плоским серым камнем. К холмику даже вела тропинка – видимо, за могилой присматривала Галина. Она не дождалась Яра, вышла замуж за какого-то журналиста, но, значит, что-то сохранила в душе... Яр поправил камень, покрасил решётку и через три

месяца ушёл на знаменитом СКДР-7 к Чёрным Кристаллам.

Когда он вернулся, Нейск ничем не напоминал прежний город. На месте кладбища блестели стеклянные павильоны какой-то фабрики. Это неожиданно сильно обидело, даже оскорбило Яра. Он понимал, что жизнь идёт и всё меняется, но выдержка скадермена изменила ему. Он отказался встречаться с журналистами и участвовать в конгрессе Академии, который был посвящен Чёрным Кристаллам. Не пошёл даже на встречу с учениками "своей" школы. Вернее, той, что стояла на месте бывшей кирпичной, трёхэтажной. Впрочем, обижать ребят Ярослав не хотел. Но он не знал, как говорить с ними. Дети стали непохожи на прежних – рассудительные, крайне вежливые, во взрослых костюмах, со взрослой расчётливостью в глазах и речах. С десятилетнего возраста знающие, кто из них кем станет.

Или Яру так казалось? Всё равно, он не пошёл...

Он три года проработал в обсерватории Звёздного центра и старался жить, как все. И у него получалось. Даже чуть-чуть не женился второй раз. Но тут ему сказали про рейс "девятки", и он сразу согласился...

Будильник в тишине тикал с удвоенной громкостью. Это был старый квадратный будильник с треснувшим на уголке стеклом. Очень похожий на тот, что стоял на подоконнике в комнате маленького Ярослава – Яськи. Когда он принимался трезвонить (от усердия даже подпрыгивал), Яська вскаки-

вал, подбегал, давил кнопку и опять кидался в постель. Но теперь уже ногами к подушке. Это чтобы мама, когда придёт стаскивать одеяло, удивилась. И мама каждый раз притворялась, что удивляется. А потом начинала щекотать Яськины пятки. А он хохотал и лягался.

– Ну, хватит, хватит, Ясик. Ох, какой же ты ещё ребёнок... Мамин голос Яр помнит. Каждое звучание, каждую нотку. Руки помнит с прожилками и царапинками. Завитки волос и родинку на мочке уха... А лицо ускользает, ускользает... Карточки сгорели вместе с комбинезоном во время аварии вездехода на Меркаторе. Был ещё один снимок – фаянсовый медальон на памятнике. Но где он теперь?..

Будильник стоял на полированном выступе, который тянулся по всему пульту. В полировке, как в чёрной воде, отражался светлый циферблат и цветные лампочки панели. И магнитная кассета – её забыл Дима Кротов, самый молодой член экипажа. На одной стороне ленты были записи популярных ансамблей, на другой – чей-то голос. Дима слушал его в одиночку, в своей каюте...

Яр дотянулся до кассеты и убрал её в выдвижной экранированный ящик. Иначе при смене режима запись могла изрядно пострадать. Почти сразу Яр услышал за спиной лёгкие шаги. "Вспомнил", – с усмешкой подумал он и сказал:

– Дима, я убрал вашу кассету в третий ящик.

Дима не ответил. Яр оглянулся. Посреди рубки стоял мальчик.

Мальчик лет одиннадцати, белобрысенький такой, с немного оттопыренными ушами, с царапиной на вздёрнутом носу. В сетчатой безрукавке с большой дыркой на плече, в мятых серых брюках с «пузырями» на коленях. Правая штанина подвернута, будто он только что ехал на велосипеде. К пыльным вельветовым полуботинкам пристали пушинки, – видимо, от цветущего тополя.

Мальчик поглядывал вокруг со спокойным любопытством.

"Ну что ж..." – подумал Яр и кинул руку к левому карману с ампулой.

Когда Яр учился в Ратальской спецшколе, у них на курсе был паренёк, Стасик Тихов, он коллекционировал старую фантастику. Немного наивные, но в общем-то увлекательные романы и повести о звёздных путешествиях. В этой коллекции был целый раздел, который назывался «Визиты»: истории о том, как в космолётах и орбитальных станциях неожиданно появлялись люди или иные существа. Не из экипажа, а другие. В разделе было три части. В первой говорилось о «зайцах» (чаще всего о мальчишках), которые тайно пробирались на корабли, чтобы участвовать в экспедициях. Вторая часть содержала рассказы о «гостях»: о лицах разного возраста, повадок и характеров – они проникали на звездолёты и станции неведомыми науке путями, иногда с помощью

колдовства. В третьей части речь шла о призраках.

Практика звёздных экспедиций два первых варианта отрицала начисто.

А "призраками" занималась медицина.

Врачи именовали эту болезнь длинным латинским термином. У скадерменов называлась она короче, но тоже по-научному – "псевдоконтакт".

Псевдоконтакт проявлялся чаще всего у молодых астролётчиков, которых вдруг охватывала тяжёлая тоска по Земле, или у ветеранов, уставших от долгих рейсов и разведок. В этих случаях космонавты видели перед собой – очень реально – знакомых или незнакомых людей, которые вступали в беседы, звали куда-то, вспоминали о прошлом.

Псевдоконтакта отчаянно боялись. Он свидетельствовал, что следует менять звёздную профессию на земную...

Яр был далеко не молод, ностальгией не страдал. Значит, годы?.. Чёрт знает, когда они успели пролететь...

"Ну что ж... – подумал он довольно хладнокровно. – Придётся снова засесть в обсерватории..."

Но это позже. А пока – рейс. Бросок. В рейсе следует оставаться скадерменом. Яр щелчком выбил на ладонь крупную пилюлю пентарина. С некоторым сожалением взглянул на мальчишку, который сейчас исчезнет. Мальчишка был удивительно знакомый. Нет, Яр не знал его имени и раньше никогда не видел. Но такими были приятели в его детстве. Таким, видимо, был когда-то он сам.

Этот пацанёнок прикатил на своём велосипеде из тех времён, когда о звёздных полётах писали только фантасты. Когда не существовало неофициального, но почётного титула "скадермен", да и самого проекта СКДР не было в помине. А был старый Нейск, заросший одуванчиками двор, шаткая заброшенная голубятня, где играли то в партизанский штаб, то в полёт на Венеру...

Мальчик стоял вполоборота к Яру и разглядывал на потолке центральный, выключенный сейчас плафон.

– Испортился, что ли... – тихонько сказал он и стал медленно поворачивать голову к Яру.

Яр вздохнул и раздавил зубами желатиновый шарик.

Ледяные стрелы ударили в язык, в небо, в мозг. Всё вокруг стало холодным и пронзительно ясным. Таким ясным, что приглядишься – и поймёшь, куда и по каким ячейкам скачут за пультом электронные импульсы. Прислушайся – и узнаешь, какие сны снятся юному Диме Кротову или добродушному Борису (Сайский снов, естественно, не смотрит, так как это не предусмотрено инструкциями).

В мыслях тоже ясно, чисто и холодно. Исчезли сумятица, неуверенность, нерешительность. Исчезло всё ненужное, всё, что мешает, всё, что кажется...

Мальчик не исчез.

Он тоже стал ясным, как бы видимым насквозь. Яр, например, понял, что в кармане у мальчишки шелуха от семечек подсолнуха и огарок свечи, и что у него побаливает на-

тёртая башмаком пятка, и что здесь, в рубке крейсера, мальчику интересно, а смущения он не испытывает и настроен даже как-то по-хозяйски.

Чёрт знает что...

Оставалось прошептать "сгинь-пропади" и плюнуть через левое плечо. Яр этого не сделал, хотя про суеверность скадерменов ходили анекдоты. Он ощущал странную беззаботность. Как школьник, который говорит: "Я сделал все, что полагается. Теперь, если что-то не так, я не виноват".

Мальчик встретился с Яром светло-кариими глазами. Взгляд был спокойно-доброжелательный и самую чуточку снисходительный. Мальчик улыбнулся уголками губ и опять поднял глаза. На выпуклые хромированные буквы над пультом.

– Эс-Ка-Дэ-Эр-девять, – полушёпотом прочитал он. – Суперкрейсер дальней разведки...

– Совершенно верно, – сказал Яр, поворачиваясь вместе с креслом. Гость явно не собирался растворяться в воздухе, и оставалось одно: принять "правила игры". "Чёрт возьми, почему я не ударяюсь в панику? И почти не удивляюсь? – спросил себя Яр. – Защитная реакция мозга?"

А мальчишка был такой славный и абсолютно настоящий. Как он устоял перед пентарином? Этого не могло быть...

– Совершенно верно, – сказал Яр. – Суперкрейсер дальней разведки. Сокращенно – "эскадер". В просторечии – "скадер".

– А почему "девять"? – Мальчик опять посмотрел на Яра. Как на привычного собеседника.

– Потому что девятый номер. По порядку. Так построили...

– Да? Мальчик то ли с недоумением, то ли с легкой досадой шевельнул выгоревшими бровями. – А я, когда сюда шёл, думал, он один. Просто "эскадер"...

– Ты сюда шёл... – задумчиво сказал Яр. – И вот пришёл... Да?

– Ага, – и он опять слегка улыбнулся.

– Ну и... может, поздороваяешься хотя бы?

– Ой... здрасте. Простите. – Он чуть покраснел и зашевелил большим пальцем в полуботинке – в том месте, где вельвет был протёрт почти насквозь.

Яр, бестолково улыбаясь, молчал. Мальчик решил, видимо, что хватит смущаться, и повёл весёлыми глазами по пульту.

– Сколько приборов всяких. В сто раз больше, чем я думал... А это что за кнопка?

Яр в броске перехватил руку.

Он не мог её перехватить. Рука должна была оказаться из воздуха. Или из чего там у призраков? Но она, по-мальчишески тонкая, твёрдая, тёплая, оказалась настоящей. Когда Яр испуганно разжал хватку, на загорелой коже остались белые пятнышки от пальцев.

Мальчик удивлённо морщился.

– Извини, – сказал Яр. – Больно? Я не хотел. Но это кнопка аварийного вызова, сейчас поднялся бы такой тарарам...

– Ой... – сказал мальчик и виновато засопел.

Яр откинулся в кресле.

– Ну, ладно... Любопытно всё-таки, откуда ты взялся?

– Я? Ну... я сперва поехал к Данке, чтобы спросить про цирк. А потом сюда, на поляну. Думаю: наверно, пора заглянуть. – Он почему-то вздохнул. – Велосипед у забора поставил, а сам сюда, по лесенке. Вот...

– Угу... Ты хочешь сказать, что крейсер стоит на поляне и к нему ведёт лесенка?

Мальчик быстро и прямо взглянул Яру в глаза. Кивнул.

– М-да... – медленно сказал Яр. – Видишь ли, я убеждён в другом. Я уверен, что он висит в субпространстве, которое даже не совсем пространство и про которое учёные до сих пор спорят, что же это такое. И в которое трудно приехать на велосипеде хотя бы потому, что...

– Да, я знаю, – перебил мальчик и нетерпеливо мотнул головой. – Это по-вашему в этом... в субпространстве. А в самом деле, по-нашему, на поляне...

– По какому это "по-вашему"? – слегка уязвлённо спросил Яр.

– Это... Мы так придумали. Я и ребята. Когда стали в вас играть...

– Ничего себе заявочки! – Яр от изумления вспомнил мальчишечью терминологию давних лет. – Это, выходит, я

придуманый? И весь экипаж, и крейсер?

Мальчик впервые смутился очень сильно. Оттопыренные уши стали алыми. Он опустил голову и левым башмаком начал неловко чесать правую щиколотку. Прошептал, не глядя:

– Ну... вы не обижайтесь, пожалуйста.

– Я не обижаюсь... – Яр дотянулся, взял его за локти (взял настоящего, живого, пахнувшего травой, мальчишечьим потом, велосипедной смазкой и клейким тополиным соком), поставил перед собой. – Я не обижаюсь, малыш... но мне трудно в это поверить. В лесенку, в поляну...

– Тогда пойдёмте! – мальчик весело отпрыгнул назад.

– Куда?

– На поляну!

Яр понял, что сейчас мальчик уйдёт.

– Постой! Скажи хотя бы, как тебя зовут?

Мальчик мигнул.

– Игна...т...тик, – проговорил он с лёгким усилием. Видимо, не знал: сказать полное имя или уменьшительное.

Яр этого не ждал. Среди его приятелей-мальчишек были Саши, Валерки, Вовки, Юрки, Сережи. Потом пошла мода на Денисов, Егоров, Данилок... Игната он не помнил ни одного.

Но всё равно хорошо.

– Значит, Игнатик?

– Ага, – сказал мальчик с облегчением, будто сдал маленький экзамен. – Или иногда просто Тик... Вы пойдёте?

Яр улыбнулся:

– Я же на вахте.

– Ну и что? Корабль на автоматическом контроле, вахта сейчас не обязательная.

– Хорошо... – Яр встал. Если играть, так до конца. Но, кажется, конец был близок. Какой?

Игнатик шагнул к двери аварийного гермошлюза и ухватился за хромированный рычаг, утопленный в глубокой выемке. Вопросительно оглянулся на Яра.

– Чтобы открыть эту дверь, надо её разблокировать и набрать двойной код, – тихо сказал Яр.

– Да не-е... – отозвался Игнатик.

И потянул рычаг.

Дверь тяжело отошла.

Яр увидел полосы солнца.

2

Солнце било в щели и открытую дверь дощатой будки. Будка примыкала к тамбуру шлюза. Игнатик легко перешагнул стальной комингс. Протянул оттуда, из другого мира, тоненькую свою руку Яру. Яр... вздохнул, зажмурился и тоже шагнул.

У него под ступнями прогнулись шаткие половицы. Яр быстро посмотрел назад. Там была теперь фанерная стенка с грубо сколоченной и плотно закрывшейся дверью.

– Как же я вернусь? – проговорил Яр с внезапным и совершенно детским страхом.

– Да очень просто. Так и вернёшься... Ой, то есть вернётесь... Яр...

– Что? – машинально спросил он. Сердце стучало глухо и медленно. С трудом толкало кровь. Было жутко? Пожалуй, нет. Но.. .

– Что? – механически повторил он.

– А можно... мы будем с вами на "ты"? Мы так привыкли, когда играли...

Игнатик опять засмутился, зачесал башмаком щиколотку. Он был настоящий. Его смущение было настоящим. И его царапина на носу, спутавшиеся на лбу волосы, дырка на майке.

И заброшенная голубятня была настоящая. То, что это голубятня, Яр понял, увидев за окошком проволочную клетку. Здесь вкусно и знакомо пахло старыми досками.

Яр усилием воли вогнал сердце в нормальный ритм. В конце концов, он был скадермен с тремя звёздами на рукаве.

– Да, – сказал он Игнатику, – конечно. Давай на "ты", так лучше будет.

– Пошли? – Игнатик шагнул к двери голубятни. Яр за ним. В проёме двери он, согнувшись, замер.

Навстречу ударило лето.

Знакомое до сладкой тоски лето с высокой травой, тополиным пухом, солнцем и чистой голубизной над низкими

крышами.

Голубятня стояла посреди поляны, усыпанной звёздами одуванчиков. Они покрывали поляну сплошной желтизной. Игнатик прыгнул в одуванчики и сказал Яру:

– Спускайся. Не бойся...

Яр медленно сошёл по приставной лесенке.

За поляной лежал широкий двор. Т о т с а м ы й двор? С двухэтажным деревянным домом, с высоким сараем, вдоль которого тянулась берёзовая поленница. За покосившимся забором – два тополя и кирпичное здание переплётных мастеровских. Косой столб с проводами, на проводах повис разбитый ветром змей с мочальным хвостом.

Вокруг поляны, шелестя спицами по листьям высоких сорняков, ездил на велосипеде мальчишка.

– Во, Алька на моих колесах гоняет, – обрадовался Игнатик. – Алька !

Мальчишка подкатил, затормозил со звонким скрежетом. Распахнул ресницы, глянул изумлённо. И вдруг просиял – иного слова не найдёшь – навстречу Игнатику и Яру.

– Вот, – скромно сказал Игнатик. – Это Яр. Я привёл. А вы не верили.

Алька положил велосипед. Сияя, обошёл вокруг Яра, как вокруг новогодней ёлки. Потом встал перед ним, глянул серо-зелёными весёлыми глазами и приоткрыл пухлый рот с трещинкой на верхней губе.

Он был круглолицый, русый, в полинялом и обвисшем

тренировочном костюме. Чуть пониже Игнатика и на год или полгода помладше.

– Здравсте... здравствуй, – сказал он и протянул прямую ладонь с плотно сдвинутыми пальцами.

Яр улыбнулся... и опять поразился реальности и невозможности того, что случилось. Обдало жутковатым холодом. Но Алька был такой... такой взаправдашний Алька. И всё вокруг – б ы л о.

А раз было, приходилось делать то, что полагается. Устав СКДР гласил: "Столкнувшись с необычными явлениями, которые на данный момент не поддаются объяснению, командир и члены экипажа, вместе или в одиночку, должны действовать, полагаясь на собственную интуицию и опыт, в соответствии с обстоятельствами".

В соответствии с обстоятельствами следовало взять Алькину руку и поздороваться. Яр так и сделал.

– Ой! – спохватился Игнатик. – Надо же к Чите зайти! Подождите, я запру велосипед в сарай и пойдём...

Он вскочил в седло и укатил по траве и одуванчикам.

У Яра и Альки наступило неловкое молчание. Чтобы его прогнать. Яр спросил:

– А кто такая Чита?

Алька обрадованно засмеялся:

– Это не "такая", а "такой"! Это Вадька, мы его так прозвали.

– А он не обижается? Чита – это ведь, по-моему, обезьяна

из старого кино про дикаря Тарзана...

Алька замотал головой так, что волосы разлетелись по сторонам.

– Это не из кино, что ты! Это сокращённо от слова "читатель".

Подбежал запыхавшийся Игнатик.

– Пошли! – Он торопливо взял Яра за руку. За другую – двумя ладошками – ухватился Алька.

Улица была та, где он бегал в детстве. Или почти та. Яр узнавал дома с палисадниками, старые ворота с поржавевшими овальными знаками страховых обществ. Вот старая кривая липа, вот водонапорная колонка, похожая на человечка в матросском берете с помпоном. У неё, как всегда, лужа, из лужи пьют воробьи.

Асфальтовый тротуарчик тут и там пробит крепкими небольшими лопухами...

Вошли во двор, похожий на тот, где жил когда-то Славик Раскатов. На середине приставной лестницы, ведущей к чердаку, сидел мальчик в очках. Это, безусловно, и был Чита. Во-первых, потому что он читал. Во-вторых, потому, что Алька радостно завопил:

– Чита, мы пришли! Вот смотри!

Чита поднял голову. Рывком откинул со лба тёмное крыло волос. Положил очки в накладной карман отглаженной голубой рубашки. Прикрыл книгу и встал на ступеньке. Отрях-

нул красивые светлые брюки с острыми стрелками. И, не держась за брусья лестницы, легко сбежал по шатким пере-
кладкам.

Встал перед Яром – тоненький, высокий, очень аккурат-
ный. Посмотрел прямо и внимательно.

– Здравствуйте, Яр. Хорошо, что вы пришли.

– Мы договорились с Игнатиком, что будем на ты, – сказал
Яр.

Чита рассеянно кивнул. Посмотрел на Игнатика.

– Тик, просто не верится. Как ты всё это сделал?

– Я старался, – скромно сказал Игнатик.

– А где Данка? – нетерпеливо спросил Алька и крутнулся
на пятке. – Ещё не пришла?

– Вот она идёт, – сказал Чита.

В калитку вошла девочка в красном платье. Угловатая,
быстрая, с толстогубым добродушным ртом, но строгими
бровями и тёмными глазами. Игнатик и Алька подтянулись.
Впрочем, Алька тут же довольно развязно сказал:

– Где тебя носило? Принесла билеты?

– Здравствуйте, – сказала Данка. В основном Яру.

– Это Яр, – сообщил Игнатик.

– Я поняла... – в Данкиных глазах металось любопытство,
но говорила она сдержанно. – Значит, всё-таки вытащил вас
Тик... Он у нас молодец, верно?

– Тут какой-то заговор, – заметил Яр. – Выходит, меня
заранее готовились "вытащить"?.. Объясните мне всё по по-

рядку! – взмолился он.

– А мальчишки не объяснили? – Данка с укором глянула на ребят. Она была постарше и, видимо, умела командовать.

– А чего... – пробормотал Игнатик. – Я сказал, что мы играли.

– По дороге поговорим, – пообещала Яру Данка. – Вы ведь пойдёте с нами в цирк?

– А у вас на меня и билет есть?

– Билета нет, но здесь такое правило: если собираются четверо ребят, один взрослый может пойти с ними бесплатно.

– А если спросят, откуда я взялся и кто я такой?

– Кому какое дело? – буркнул Игнатик.

– Мы скажем, что к Игнатику приехал в гости дядюшка! – воскликнул Алька и ухватил Яра за руку. – Пошли?

Данка хмыкнула и оглядела Альку от плоских растоптанных сандалет до растрёпанной макушки. Потом Игнатика – его дырявую майку, мятые штаны и пыльные башмаки. Игнатик начал торопливо раскручивать правую штанину.

– Брысь, – холодно сказала Данка. – Даём вам десять минут.

Игнатик с Алькой переглянулись и рванули к калитке. Уже с улицы Алька крикнул:

– А Яр? Ему тоже надо переодеться!

– Не ваша забота, – ответила Данка.

Яр посмотрел на себя как бы со стороны: спортивные брю-

ки из серебристой тетрадки, форменная рубашка с эмблемой СКДР и звёздами на рукаве...

– Я принесу вам папин костюм, – деловито сказала Данка.

– А как отнесётся к этому папа?

– Папа умер...

– Ох... прости, пожалуйста. Но...

– А мама на дежурстве... Вы не волнуйтесь, Яр, мы вас не подведём, всё будет хорошо.

"Ничего себе "не волнуйтесь", – с усмешкой подумал Яр и понял, что не волнуется. Действие пентарина кончилось, пришло состояние легкого опьянения и беззаботной лени. Теплое лето обволакивало Яра. Крейсер показался далеким сном. Да и где он был теперь, этот крейсер?

...Данка принесла мягкий вельветовый костюм и клетчатую рубашку. Яр переоделся в сарайчике, где пахло сухой травой и копошилась в углу курица-несушка. Одежда оказалась широковата в плечах, а по росту в самый раз.

– Вы... то есть ты немножко на папу похож, – улыбнулась Данка. – Такие же волосы светлые и такой же высокий. Только ты моложе.

– Моложе? – усмехнулся Яр. – Да ты знаешь, сколько мне лет?

– Сколько?

Яр сказал.

Данка охнула.

Но Чита авторитетно разъяснил:

– Это же общее число лет. А по локальному биологическому времени гораздо меньше.

– Да, – согласился Яр. – Но это – пока в рейсе. А на Земле потом жизнь берёт своё. И начинает наматывать годы за месяцы...

– Вам никак не дашь больше тридцати пяти, – с чуть заметным девичьим кокетством сказала Данка.

– Пожалуй, – согласился Яр. – А тебе сколько?

– Четырнадцатый... – Она вздохнула. – А когда папа умер, было девять.

– Что же случилось с папой? – нерешительно спросил Яр.

– С папой?... Да как со многими. Эпидемия... У Игнатика вот тоже... И отец, и мама... Он теперь с тётёй живёт...

Чита сказал, будто заступился:

– Она же ничего, хорошая тётка...

Грохнула калитка – примчались Игнатик и Алька. Красивые такие. В одинаковых парусиновых шортиках – чистых, отутюженных, с лаковыми ремешками и пестрыми нашивками. В рубашках с накладными карманами и погончиками: Алька в белой, Игнатик в оранжевой. Игнатик переобулся в новенькие блестящие сандалии. На Альке остались прежние расхлябанные сандалеты. Данка посмотрела на них с осуждением.

– А других нет, я их утопил, – независимо сказал Алька.

Брюки и рубашку Яра Чита спрятал в тайнике за поленницей, где у него хранились книги. Яр смотрел на это с тре-

вогой. Отдавая одежду, он как бы рвал последнюю связь с крейсером.

– Братцы, а когда вы вернёте меня домой?

– Да вернём, вернём, – снисходительно сказал Алька.

– Вечером, – сказала Данка. – Если вы захотите...

– То есть как это "если захотите"?

– Вечером, – торопливо успокоил Игнатик. – Ты не бойся,

Яр... Ну, идём?

Чита надел очки и открыл книгу.

– Он что, и на ходу читает? – шёпотом спросил Яр.

– Ага, – с некоторой гордостью сказал Алька.

Летнее утро царствовало над тихими улицами. Прохожих было мало. Изредка с тархтеньем проносились автомобили старых, каких-то полузнакомых марок.

Город становился не совсем знакомым.

Сначала Яру казалось, что он попал в старый Нейск. Или двойник Нейска. В этом была бы хоть какая-то, пускай сказочная, логика: неведомые силы вернули его в мир детства. Но город оказался не совсем таким, каким помнился Яру. Чем ближе к центру, тем больше было путаницы. За старинным зданием банка со знакомыми львиными мордами над окнами стоял вместо привычного магазина "Детский мир" красный трёхэтажный дом. За крытым рыночным павильоном, куда Яська ходил с мамой за луком и капустой, подымалась кирпичная лютеранская кирха – такой в Нейске вообще

не было...

– Как называется ваш город? Нейск? – спросил Яр у Данки.

Она сказала чуть удивленно:

– Нет, Орехов.

Чита шагал впереди и ухитрялся не спотыкаться. Алька, шлёпая сандалетами, подбежал к нему.

– Ты что читаешь?

– "Зверобой" Фенимора Купера...

– Ух ты... А это кто на картинке? Индейцы?

Он зашагал рядом с Читой, заглядывая в книгу. Яр вдруг заметил, что ноги у Альки чуть-чуть колесом, как у маленького кавалериста. Это было еле заметно и ничуть не портило Алькину внешность. Наоборот, делало его походку особенно ловкой и слегка шаловливой. Алькиной...

Игнатик и Данка шли по бокам от Яра. Игнатик двумя руками держал его за локоть. Один раз он заглянул Яру в лицо, тихо сказал:

– Яр...

– Что... Тик?

Он заулыбался:

– Ничего. Просто...

– А вот и цирк, – сказала Данка.

Когда вышли из цирка, в разгаре был день. С жарким солнцем, с высокими белыми облаками.

– Купаться, – сказал Алька и запрыгал на здоровой, незабинтованной ноге. – Пойдём, Данка, да? – Он заглядывал ей в лицо, слегка подлизываясь.

– Можно, – отозвалась Данка. – Тебе полезно остыть. – Она повернулась к Яру. – С ним невозможно сидеть, верно? Хохочет, как сумасшедший, да ещё ногами колотит.

– Ну, а что делать, если клоуны? – заступился Яр. – Я сам хохотал, как в детстве... Когда я маленький был, у нас такие же клоуны выступали. Батон и Шура Печкин.

И подумал: "А может, эти же самые?"

– Вы хохотали нормально, а он – как будто его сто русалок щекочут, – сказал Чита, раскрывая на ходу книгу.

– Ты всё равно ничего не видел и не слышал, ты читал, – поддел Алька.

– Читал и слышал. И всё видел, – невозмутимо сообщил Чита. – Видел даже, как Игнат хулиганил.

– А что я... – не очень уверенно сказал Игнатик.

– А почему у Софии Марчес кубики два раза не туда падали, а петух всё время прыгал в вазу и кукарекал, как бешеный? Она чуть не плакала.

– Тик, ну как не стыдно, – сказала Данка. Впрочем, без

особой строгости. Алька весело растопырил ресницы. Игнатик потупился, затеребил шортики и произнес Алькиным голосом:

– Я исправлюсь.

Яр хотел спросить, как это Игнатик сумел устроить такие шуточки, но Алька очень ехидно поинтересовался:

– Чита, тебя щекотали русалки?

– Нет, – хладнокровно сказал Чита.

– А откуда ты знаешь, как хохочут, если они щекотят?

– Липучка, – сказала Данка.

– Говорят, раньше русалки водились под обрывом у крепости, – сообщил Игнатик и пристроился к Яру. Взял его за рукав.

– Мало ли что говорят, – возразила Данка. – Тебе что ни скажи, ты всему веришь... Знаете, Яр, он просто до ужаса доверчивый. Сам такие штуки умеет делать, а верит всему, что ни скажут.

– Ну и что... – слегка надулся Игнатик. И поплотнее взялся за рукав Яра.

Яр благодарно посмотрел на его белобрысую макушку и спросил:

– А что за крепость?

– Старинная, над рекой, – объяснила Данка.

– Пойдёмте купаться к крепости! – оживился Алька.

– Только надо купить что-нибудь поесть, – рассудила Данка. – Через час вы запищите от голода... Тик, сколько оста-

лось копеек?

Игнатик вытряхнул из кармана какие-то бумажки, огарок свечи и две монетки. Данка недовольно сказала:

– Зачем ты свечку-то с собой таскаешь? Смотри, от неё на кармане сальное пятно.

– Подумаешь...

Они шли по старой улице с двухэтажными домами. Вдоль потрескавшихся асфальтовых тротуаров цвели высокие тополя. В безветрии медленно падал тополиный пух. Тик сдувал его с большого белого каравая, который купил в подвальчике с вывеской «Хлеб и мука».

По тряской мостовой, позванивая, проскакивали мальчишки-велосипедисты. Почтенные пенсионеры в парусиновых пиджаках прогуливали пуделей и болонок. Псы морщились и чихали от пуха. Машин почти не было, протарахтел только голубой грузовичок, он вёз на прицепе бочку с квасом. Двое загорелых ребяташек в красных трусиках катили по дороге громадную камеру от автомобиля – тугую и блестящую. Она звонко прыгала на булыжниках.

– Нам бы такую, – вздохнул Алька. Тут же отвлёкся, завертел головой. – Ой, смотрите, фотография!

– Ну и что? – строго сказала Данка.

– Автоматическая же! Можно сняться и сразу карточки получить.

– Вечно ты выдумываешь. Зачем?

– На память Яру, – хитро сказал Алька.

– А в самом деле! – обрадовался Яр. – Давайте!

Он подумал, как здорово будет сохранить снимок этой замечательной компании. На память о чуде, которому он уже перестал (почти перестал) удивляться. По крайней мере, останется доказательство, что *это было*.

– А деньги? – спросила Данка.

Игнатик показал четырёхкопеечную монетку.

Они вошли в полутёмный фанерный павильончик. Плоский жестяной клоун у стены приподнял шляпу и задрогал ногами. Над ним зажглась надпись:

*Опустите 4 копейки
и встаньте перед объективом
у черты*

– Дай, я опущу! – Алька толкнул монетку в щель старинного аппарата рядом с клоуном. Аппарат был нарисованный, а объектив у него – настоящий.

Все торопливо встали у белой полосы на полу. Яр оказался посередине, Алька слева, Игнатик справа, Данка и Чита по краям.

– Перестань читать, – сердито сказала Данка.

В это время зашипело, вспыхнул магниевый свет, все вздрогнули, Алька подпрыгнул и захохотал.

Через полминуты глаза опять привыкли к сумраку. Тогда

зажглась новая надпись:

Подождите

А ещё через минуту:

Получите!

Клоун опять задрыгал ногами и поднял шляпу. Из щели под нарисованным аппаратом выскользнул на столик фотоснимок размером с открытку. Алька подхватил его, а клоуну снисходительно сказал:

– Спасибо.

На улице карточку подробно рассмотрели. И одобрили. Все получились похожие и весёлые. Только Чита всё-таки смотрел в книгу.

– Ну и ладно. Иначе это был бы не Чита, – заметила Данка и отдала снимок Яру. Он положил его во внутренний карман вельветового пиджака. При этом он заметил, что в кармане есть не то плоский бумажник, не то твёрдый конверт. Но тут же забыл.

Улица вывела на речной обрыв.

Река была широкая, с желтоватой водой, с толчеёй плотов у противоположного низкого берега. На том берегу толпились домишки слободы. За слободой тянулись луга и синели

рощицы. Над ними висели светлые гуды облаков.

Река плавно поворачивала, и зелёный с жёлтыми проплешинами обрыв изгибался широченной дугой. На дальнем конце изгиба Яр увидел крепость.

Это были кирпичные башни – квадратная и несколько круглых. Они стояли почти вплотную друг к другу – будто кто-то на краю громадного стола сдвинул вместе красновато-коричневые банки и коробку.

Вершины башен были неровные, с осыпавшимися зубцами.

– Странная крепость, – сказал Яр. – У нас такой не было. Тик посмотрел на него с тревогой:

– А что? Это... плохо, да?

– Н-нет... – скрывая сожаление, отозвался Яр. – Но когда вы меня... когда я оказался у вас, то подумал сначала, что попал в свой родной город...

– Все-таки это Орехов, а не Нейск, – виновато заметила Данка.

– Да... Но непонятно, откуда столько знакомого... Даже цирк с Софией Марчес...

– Это Тик напридумывал так похоже, – сказал Алька. – Ой... – он перепуганно посмотрел на Яра.

Яр засмеялся, дотянулся, взлохматил ему и без того расчёпанную русую голову. И сказал, слегка наклонившись к Игнатику:

– Ну и молодец, что напридумывал... Двор у вас в точно-

сти такой же, в каком жил я. Мне даже показалось: вот поднимусь на второй этаж и окажусь в своей собственной комнате... И голубятня такая же... Голубей в ней не было, и мы там играли по вечерам.

– Как? – спросил Игнатик.

– По-всякому... Тоже придумывали... У нас тогда была постоянная компания: Валерка Дымов, Славик Раскатов, Димка Савченко, Юрий... фамилию не помню... и я... Девочки, правда, не было, – он покосился на Данку. – Сначала не было...

– А вас не ругали? – спросил Чита и оторвался от книги.

– За то, что не было девочки?

– Нет, за то, что пятеро, – быстро сказал Игнатик.

Яр по очереди оглядел всех. И Алька, и Тик, и Данка, и даже Чита смотрели на него с непонятным ожиданием.

– Братцы, – осторожно сказал Яр. – Я заметил непонятную вещь. У вас, по-моему, ужасно не любят число пять. Почему?

Алька сердито фыркнул. Тик быстро обвел друзей блестящими глазами и покрепче взял Яра за руку. Данка странно улыбнулась.

Чита пожал плечами:

– Это же несчастливое число. Все знают...

– Я-то не знаю. У нас такого нет, – сказал Яр. – Это что? Обычай? Примета?

– Всё на свете, – объяснил Чита. – Людям известно, что

пять – это всегда не к добру. Во всех случаях жизни.

– Даже неприличным считается, если что-то пять, – сказала Данка. – Если впятером собираются, это... да никто и не собирается. Иногда только ребята, но за это попадает.

– Говорят, что хулиганство... – буркнул Алька.

– Ну... а мы сейчас тоже впятером. За это не попадёт?

– Это не впятером, – усмехнулся Чита. – Это четверо и один. Четверо ребят и взрослый. Считается, что он смотрит за детьми. Поэтому его даже в цирк пускают бесплатно.

– Ну, идём купаться-то? – жалобно спросил Алька. И шагнул к откосу. Там среди бурьяна и конопли начиналась тропинка и петлями спускалась к воде.

– Постой, Алька... Я хочу все же разобраться, почему такой обычай. Или даже закон?

– Закон? – удивилась Данка. – А откуда он возьмётся?

– Как откуда? Мало ли... Вам лучше знать. Может, от директора школы, может, от правительства...

– А откуда возьмется правительство? – сказал Чита. – Правительства были раньше, когда люди ещё воевали.

– А сейчас не воюют?

– Сейчас? – удивилась Данка. – Сумасшедшие, что ли? И без того хватает...

– Значит, по всей Земле нет войн?

– По какой земле? – сунулся Алька.

– По всему земному шару?

– А как это "земной шар"? – нерешительно спросила Дан-

ка.

– Разве планета – не шар?

– Шар, конечно, – заметил рассудительный Чита. – но при чём здесь земля?

– Разве планета называется не Земля?

– Земля – вот, – Чита колупнул ботинком траву и почву. – А планета – просто Планета. Она так и называется...

– А-га... – соображая, протянул Яр. – Ну что же... А разве других планет у Солнца не открыли?

– Давным-давно открыли, – объяснил Чита. – Альфа, Бета, Гамма, Дельта... и так далее. А наша – просто Планета. Потому что для нас она главная.

– Логично, – заметил Яр.

– Пойдемте же купаться! – отчаянно сказал Алька.

Яр его понял. Яру тоже ужасно захотелось сбежать по тропинке среди зарослей, сбросить одежду, бултыхнуться в воду. Потом свалиться на песок и, может быть, зарыться в него, в сухой и тёплый. И устроить с Тиком и Алькой возню. Вспомнить наяву берег Туры с такой же широкой желтоватой водой... Ну их, планеты. Хотя бы в этот летний день...

И все же Яр задал ещё вопрос:

– Если нет правительств, кто же управляет людьми на всей... Планете?

– А зачем ими управлять? – опять удивилась Данка. – Маленькие, что ли? Каждый и так знает, что ему делать.

– Да нет, говорят, всё же управляют, – как-то сумрачно

возразил Чита.

– Мы ещё маленькие, мы это не проходили, – чуть насмешливо сказал Алька.

Игнатик заглянул Яру в лицо.

– В самом деле, пойдём купаться, Яр.

Они начали спускаться. Данка двигалась осторожно, боком. Алька, несмотря на забинтованную ногу, ускакал вперёд. Чита ухитрялся читать на спуске и ни разу не споткнулся. Игнатик не выпускал руку Яра.

4

Под заросшими откосами и обрывами тянулась песчаная полоса. Кое-где на ней торчали пляжные грибки. На песке резвилось и загорало множество мальчишек и взрослых. Мальчишек, разумеется, больше. Ребята и Яр долго шли вдоль воды и наконец отыскивали свободное место с гладким, почти не тронутым следами песком.

Алька торопливо задёргал пуговики рубашки. Сказал с восторгом:

– Ох и побулькаем...

– Тебе нельзя, у тебя нога порезанная, – возразила Данка. Впрочем, без всякой уверенности, что Алька послушается.

Он только фыркнул и показал язык.

– Балда упрямая, – сказала Данка. Одним махом сбросила через голову платье, промчалась по песку и гибко, по дуге,

кинула себя в воду. В серебристом купальничке она мелькнула, как узкая рыбка.

– А говорили, что здесь русалки не водятся, – улыбнулся Яр.

Мальчишки торопливо пошвыряли в кучу одежду и башмаки. Даже Чита без жалости скомкал свои наглаженные брюки. Только Яр аккуратно укладывал костюм – чужой, надо беречь. Игнатик, Алька и Чита нетерпеливо на него поглядывали.

– Ты нас побросаешь? – спросил Игнатик.

– Как?

– Ну, раскачал – и в воду, – объяснил Алька.

Вода была мутноватая и тёплая, с привкусом травы и песка. Яр швырял с размаху в эту воду орущих от радости Игнатика и Альку. Потом все ныряли с него, как с вышки. Даже Данка, которая приплыла с середины реки. Оказалось, что лучше всех ныряет Чита. Тощий, ребристый, в обвисших трусиках, он взлетал с плеч Яра, как пружинка, и падал без плеска. Данка тоже хорошо ныряла. Игнатик не очень. Алька же просто плюхался.

Когда выходили на берег, Алька вдруг завопил:

– Ой, меня кто-то за ногу тащит! Крокодил!

Никто, даже Яр, не обратили внимания: привыкли к его фокусам. Только Игнатик бросился к Альке. Схватил его за локоть, дёрнул к себе. Оба шлёпнулись у берега на мелком

месте.

– Ты чего! Я же понарошке! – захохотал Алька.

Игнатик вскочил, ушёл на берег и лёг.

– Ну какие здесь крокодилы, – немного смущённо сказал ему вслед Алька.

– Ох и пустозвон ты, – вздохнула Данка.

– Я виноват разве, что он всему верит? – огрызнулся Алька.

Вслед за Игнатином все в беспорядке попадали на песок. Яр украдкой смотрел на Игнатика и Альку – те лежали недалеко друг от друга. Алька боком – боком подобрался к Игнатику, осторожно дотронулся локтем до его плеча. Игнатик улыбнулся. Тогда Яр облегчённо закрыл глаза и перевернулся на спину. Блаженно вытянулся на сухом тёплом песке Планеты.

Какой планеты?!

Скадермен всегда обязан быть скадерменом. Разведчиком. Попадая в незнакомые условия, он должен исследовать, изучать, анализировать, делать выводы. Строить хотя бы первоначальную теорию. Во имя дальнейшего развития человеческой мысли, во имя прогресса и науки.

Яр чувствовал, что самым скандальным образом теряет право на свой высокий титул. Он не анализировал и не строил. Он валялся на песке в обществе трёх загорелых пацанов и девчонки и, вопреки логике, чувствовал себя таким же, как

они – довольным и беззаботным.

Впрочем, он попытался мысленно прикинуть конспект первого донесения.

Пункт первый. Способ высадки на объект. Значит, так: через голубятню на поляне с одуванчиками (о, бедные академики в экспедиционном комитете СКДР!).

Пункт второй. Вид космического объекта. Планета типа, максимально приближающегося к земному... А может быть, всё-таки просто Земля? В другом витке пространства-времени, или в каком-нибудь параллельном варианте развития, или... тьфу! Сюда бы Стасика Тихова с его коллекцией фантастики, там подобной зауми – хоть зачитайся. (Но Стасик разбился в десантной ракете на голой гранитной планетке с красивым именем Легенда. И где теперь его коллекция?)

Ну ладно, пункт третий. Наличие биологической жизни. Сколько угодно. Во всех видах. Вот божья коровка ползёт по локтю...

Пункт четвёртый. Имеются ли какие-либо признаки цивилизации?

О господи, вон они, живые представители здешней цивилизации! Похитили разведчика Ярослава Родина с крейсера и в ус не дуют! Данка сидит на песке в позе знаменитой Русалочки и крошечным гребешком расчёсывает мокрые волосы. Иглатик и Алька докопались до влажного песчаного слоя и строят крепость – вроде той, что стоит наверху. Чита, естественно, читает. Впрочем, это не мешает ему время от

времени украдкой швырять в крепость песочные бомбочки. Яр давно заметил, что Чита многое умеет делать, не отрываясь от книги.

Очередная бомбочка шлёпнулась на верхушку главной башни.

– Ну ладно, Чита, – сказал Алька. – Сейчас ты запоёшь... Тик, давай устраивать карательную экспедицию.

Оба угрожающе засопели и на локтях и коленках стали подбираться к Чите с флангов. Он делал вид, что ничего его не касается. Но, когда Игнатик и Алька с воплями кинулись в атаку, Чита непостижимым образом ускользнул. Бросил книжку и помчался к воде. Алька с Тиком – за ним.

– Сейчас всю реку взбаламутят, – сказала Данка. – Ой, вон пароход идёт, волны будут! Пойдём, покачаемся?

На середине реки шлёпал громадными колёсами чёрно-белый пароход с жёлтой трубой и голубым флагом. От форштевня и колёс бежали к берегу длинные волны. По песку мчались к воде радостные мальчишки.

– Идём! – поторопила Данка.

– Ленъ, – честно сказал Яр. – Лучше я поваляюсь.

Данка убежала. Яр опять попробовал сосредоточиться. Настроить мысли и нервы на тот жёсткий ритм, который свойствен скадермену, ступившему на незнакомый космический объект.

Не получилось. С первых минут, когда Яр оказался на Планете, его беспокоили мысли, не имевшие отношения к

задачам разведчика и науке планетологии. Его волновало, не обидел ли он Данку неосторожным вопросом об отце. Не слишком ли сильно поссорился с ребятами Алька? Не разболится ли порезанная Алькина нога? Почему у Игнатика среди веселья и смеха вдруг мелькает в глазах тревога?

Игнатик... Белобрысый похититель скадерменов, покоритель субпространства и сказочник с оттопыренными ушами и поцарапанным носом. Когда он доверчиво и как-то чуть испуганно берёт Яра за рукав, к горлу подкатывает тёплая ласковость. В конце концов, это понятно: у Яра мог быть такой сын. Такой же, как кареглазый Тик... Или как Алька? Может быть... Или как серьёзный и быстрый Чита... Или дочь, похожая на Данку... Если бы Галина дождалась тогда.

Но она не дождалась. И Яр никогда не осуждал её. Он знал, что это могло случиться. Он сам не раз говорил ей, что главное для скадермена не земные радости, а звёздный поиск. И верил, что это так...

Мальчишки с Данкой выбрались из воды. Расселись вокруг Яра. Данка сказала:

– Ты пережаришься.

– Не-е... – сказал Яр Алькиным голосом.

Алька вспомнил:

– У нас же хлеб есть! Давайте обедать.

Они разломали и дружно умяли пухлый свежий каравай.

Алька похлопал себя по животу и лениво встал.

– Пойду попить водички...
– Из реки? – ужаснулась Данка.
– Я тыщу раз пил, – сказал Игнатик и тоже поднялся.
– Вы посмотрите, какая вода мутная!
– Это же песок, – возразил Чита. – Песок – не микробы, он даже полезен для пищеварения. – И двинулся за Игнатином и Алькой.

Данка жалобно посмотрела на Яра:

– Может, правда попить? Ты не боишься воды с песком?
– Я могу пить какую угодно воду. Даже морскую... А вот вы...

– А, ничего не будет! – Данка махнула рукой и побежала к воде. Яр за ней.

Они заплыли подальше, проглотили тёплой, но не очень противной воды, поныряли и опять растянулись на песке.

– А знаете, что мы натворили? – вдруг спросил Чита.

– Что? – радостно подскочил Алька.

– Мы один хлеб разломали на пять частей. И запили водой из реки, не из водопровода. Настоящий обряд. Мы теперь вроде тайного союза нарушителей обычая.

– Все за каждого, один за пятерых, – серьёзно сказал Игнатик.

– Вот это да... – с тихим восторгом прошептал Алька. – Уже?

– И ничего не случилось, – усмехнулась Данка. – Ни землетрясения, ни молний. Ни криков классной дамы...

– И крепость на нас не обрушилась, – поддержал Чита. Все посмотрели на крепость.

Она стояла высоко на обрыве, прямо над тем местом, где лежали и сидели пять "заговорщиков". Кирпичные башни ярко освещало солнце, они были коричневато-оранжевыми. Над разрушенными зубцами плыли круглые облака. Внизу ветра не было, но там, на высоте, облака двигались быстро. Они наплывали из-за реки и уходили за крепость. Крепость бесконечно клонилась им навстречу, будто и в самом деле грозила рухнуть под обрыв.

– Что сейчас там? – спросил Яр. – Музей?

– Ничего нет, – сказала Данка. – Просто развалины.

– Но, наверно, туристы все равно лезят?

Данка покачала головой:

– Там почти никто не бывает. Говорят, что опасно. Крепость стоит на песке и может в любую минуту обвалиться.

– Видишь, даже здесь, внизу, кроме нас никого нет, – гордо сказал Алька. – Все боятся...

В самом деле, берег был полон народа, а на пяточке под крепостью – пусто. Вот, значит, почему...

Яр спросил:

– А если в самом деле обвалится?

– Ну да! Полтыщи лет стояла, а сейчас вдруг посыплется, – хмыкнул Чита. – По теории вероятности это чушь.

– Да там всё прочное, – тихо сказал Игнатик. – Яр, мы там знаем сколько лазили... Хочешь, слазим вместе?

Яр хотел.

В Нейске не было крепости. Был только старый монастырь на обрыве, но туда никого не пускали: в нём располагался секретный научный институт. Ещё нависал над берегом фундамент взорванного собора. Под фундаментом Яська с Валеркой и Юриком разыскивали подземный ход, но он оказался заваленным в самом начале.

Им тогда хотелось приключений и тайн. Они мечтали: вот если бы в городе сохранилась старинная цитадель – с башнями и подземельями, где можно отыскать ржавое оружие. Даже с привидениями...

Яське даже снилась иногда такая крепость. Впрочем, взрослому Яру тоже иногда снилась...

Мальчишки торопливо натягивали одежду.

– В обход пойдём, по тропинке? – нерешительно спросила Данка.

Алька презрительно фыркнул.

– На штурм, – твёрдо сказал Игнатик.

Чита затолкал "Зверобоя" под брючный ремешок, снял очки и прицельно глянул вверх.

– На кого вы будете похожи... – вздохнула Данка. – Яр, ты тоже полезешь напрямик?

– Я боюсь за костюм...

– Да с костюмом-то ничего не делается, почистим... – Данке самой явно не хотелось тащиться в обход.

– А крик на берегу не подымут? – спросил Яр. – "Куда полезли, хулиганы, там опасно!" Чего доброго, милицию позовут, а у меня никаких документов...

– Какую милицию? – удивилась Данка.

– Милиция – это отряды добровольцев, если... ну, какое-нибудь стихийное бедствие или ещё что-нибудь, – объяснил Чита. – Кто же будет из-за нас собирать отряд?

– А кто охраняет порядок? – спросил Яр.

– Где? – не поняла Данка.

– Ну, везде...

Она пожала плечами:

– В школе – учителя. Дома – родители... или вообще старшие. На работе – начальство...

– На море – береговая охрана. Это если браконьеры, – сказал Игнатик. – Я знаю, у меня ещё одна тётя есть, она у моря живет, на той стороне. Она писала про браконьеров...

– Разве бывают письма с той стороны? – удивился Алька.

– А что такого? Говорят, и люди иногда приезжают, – сказал Чита.

Все почему-то помолчали.

– Лезем, – решительно сказал Алька.

Было трудно и весело. Пласты песка оседали под тяжестью тела, песчаные ручьи неслись вниз, шурша в редких стеблях. Один раз Яр почти с полпути съехал с песчаной лавиной в бурьянные заросли у подножия обрыва. И всё же они штур-

мовали крутой берег снова и снова. Данка неожиданно вырвалась вперёд и мелькала в своём красном платице, как флажок, – высоко-высоко. Алька тоже ловко карабкался выше Яра. Игнатик и Чита держались по бокам – Яр понял, что они деликатно подстраховывают его. «Отяжелел, старая кляча, – обругал он себя. – Никакой подготовки». И поднажал, отплёвываясь от песка.

Песок был везде. За воротом и за пазухой, во рту и в ушах, в волосах и в обуви. Тёплый, сухой, чистый...

Яр отчетливо вспомнил, что такое уже было. Почти так. Во сне. Не очень давно. Только вместо четырёх ребят с ним штурмовал берег один мальчишка. Похожий на Игнатика, лишь волосы тёмные. Сердитый, босой, с грязным бинтом на коленке, в чёрной рубашке с блестящими пуговками. Он тащил на боку игрушечный барабан, который когда-то мама подарила маленькому Яське. Это был сын Юрка (которого на самом деле никогда не было). Он спешил наверх, чтобы сыграть сигнал – очень важный...

Глава вторая

СВЕЧА И МЯЧИК

1

Зажатый отвесными башнями двор крепости был налит солнечным теплом. Сухо пахло нагретыми камнями. Тишина стояла удивительная. Щёлканье подошв раскаливало её трескучими выстрелами. Рассыпчатое эхо улетало вверх. Там, в тёмно-синем зените, над осыпавшимися кирпичными зубцами всё так же плыли облака. Белые, очень яркие.

Алька пританцовывал на каменных плитах, вытряхивал песок из волос, из карманов, из сандалет. Потом догадался – скинул одежду и стал выколачивать. Игнатик и Чита сделали так же. Яр высыпал песок из башмаков, вытряс из пиджака, отряхнул брюки. Плиты под босыми ногами были шероховатые и очень тёплые.

Чита сидел на корточках и Алькиной сандалетой сгребал в кучку вытряхнутый песок. Получался солидный курганчик.

Данка сказала с усмешкой:

– Ох и увозились. Я так и знала.

Сама она стояла чистенькая, аккуратная, будто не взбиралась по обрыву, а прогулялась по лужайке.

– Надо вам было всё же пойти тропинкой, – добавила она снисходительно.

– Ещё чего! – бодро возразил Яр.

Данка сказала:

– Все мальчишки одинаковы. Даже... если пожилые.

– Мерси, – отозвался Яр. – Ничего не имею против "мальчишки"...

Алька с Игнатиком оделись, а Чита всё ещё сгребал песок. Очень старательно. И внимательно разглядывал песчинки.

– Да хватит уже, – сказал Алька. – Пойдём покажем Яру крепость... Яр, мы тут все ходы-выходы знаем.

– Хвастунишка, – хмыкнула Данка.

Чита, натягивая брюки, сообщил:

– Всех никто не знает. Тут масса тайников и переходов...

В переходах пахло влажным кирпичом. Пласты солнца врубались в коричневый полумрак сводчатых залов. На ступенях винтовых лестниц, которые были прорезаны в толще стен, скрипела каменная крошка. В стенах темнели полукруглые ниши. В одной из них Алька нащупал вделанный в камни обрывок цепи. Звякнул.

– Во... Здесь, наверно, держали рабов или пленных.

– Тех, кто скачет и никого не слушает, – сказала Данка. – Не лезь вперёд, свалишься в какую-нибудь яму.

– Бе-е... – тихонько, но строптиво ответил Алька.

Яр пытался разобраться: что же за стиль у этих построек? Станный и незнакомый. Снаружи – глухая мощь, никакой

архитектуры, внутри – пологие своды и арки, как бы ласково приглаженные сверху. В арках была плавность и лёгкость.

– Кто эту крепость построил? – спросил Яр у Читы. Чита наверняка был самый эрудированный.

– Никто не знает, – сунулся Алька.

Чита сказал:

– Это загадка. Полтысячи лет назад пришёл какой-то народ, выстроил крепости, но никого не покорял, ни с кем не воевал. Потом вдруг сразу ушёл на юг...

– На истинный полдень, – уточнил Тик. – Тогда было ещё пять сторон света.

– Как это пять? – удивился Яр.

– Пять, – подтвердил Чита. – Это ещё в старину, задолго до большой войны. Север, Запад, Восток, Юг и Истинный полдень. Сейчас уже никто не знает точно, что это такое. Где-то на юго-востоке. Та сторона, где солнце подбирается к самой высокой точке, но ещё не дошло до неё... Считалось тогда, что это счастливая сторона. Как бы символ молодости...

– Пойдёмте в Львиный зал! – вмешался Алька.

Львиный зал был длинный, всё с теми же приглаженными арками. Вдоль стен стояли на кусках гранита, а чаще валялись на боку или вверх лапами каменные львы с ленивыми кроткими мордами. Алька по-свойски хлопал их по животам.

В стенах были прорезаны прямоугольные окна.

По углам Яр увидел много мусора. Лежала груда досок, валялись мотки проволоки и ржавые гвозди, обрывки газет и пустые бутылки. И всё это серое от пыли.

— Когда-то здесь хотели делать ремонт, — объяснил Чита. — Потом раздумали, испугались обвала.

Яр спросил:

— Те, кто строил крепость, о чём они, интересно, думали? Такую махину ставить на песке...

Чита солидно возразил:

— Разговоры про песок — это чушь. Под песком наверняка гранитный монолит. Мы в подземные ходы лазили, там сплошь камень.

— Жалко, что недалеко лазили, — вздохнул Алька.

— Они длинные, эти ходы, — сказал Тик. — Говорят, некоторые из них под рекой идут, на ту сторону...

— Вот бы разок пробраться, — почему-то шёпотом проговорил Алька. — П е р е й т и р е к у...

— Я вот тебе перейду, — пообещала Данка. И сказала Яру: — А странно всё-таки, да? Построить такие крепости, а потом уйти...

— Может, их заставили, — сумрачно сказал Чита.

— Кто? — не поверил Алька.

— Те, кто велят... — с непонятной усмешкой проговорил Чита.

Игнатик хмыкнул.

Чита посмотрел на него и заметил:

– Не такой уж ты доверчивый.

"Ничего не понимаю", – подумал Яр. В этот момент Данка ему сказала:

– Здесь недалеко есть ещё одна интересная комната. С камином.

– Пошли, – согласился Яр.

Они спустились по маленькой винтовой лестнице. Комната оказалась круглая, небольшая. Камин (вернее, очаг с поломанной решёткой у пола) был сложен из грубо отёсанных камней. Свет попадал в отверстие высоко в стене. Солнце овальным пятном лежало на камнях очага, покрытых старой копотью. На копоти была Нарисована рожица со смеющимся ртом-полумесяцем.

– Это Тик в прошлом году нарисовал, – объяснил Алька. – Мы здесь картошку пекли.

– Лицо, как у бормотунчика, – сказала Данка.

Алька подскочил:

– А давайте сделаем бормотунчика! Чита, ты ведь хотел, да? Ты нарочно песок сгребал!

– Правда, давайте! – подхватил Игнатик.

– А песок-то подходящий? – спросила Данка.

– Да, я смотрел, – кивнул Чита. – Я сейчас принесу.

И он убежал.

– А что за бормотунчик? – недоумённо спросил Яр.

– Ты разве не делал бормотунчиков, когда маленький

был? – удивился Игнатик.

– М-м... не помню. Вернее, помню, что не делал. Они какие?

– Ну, это такая штука... Такой... – сбивчиво заторопился Алька.

Данка объяснила:

– Их обязательно надо делать в тихом месте и когда рядом только друзья. И бормотунчик тогда как друг... Игнатик их делает лучше всех на свете.

Игнатик скромно промолчал, отошёл и стал подбирать у стены куски алюминиевой проволоки.

Пришёл Чита, принёс в подоле рубашки песок. Спросил :

– А из чего делать?

– Может, из моей рубашки? – самоотверженно сказал Алька. – Я могу подол оторвать.

– А мама оторвёт тебе голову, – подал голос Игнатик.

– А мама уехала. Я три дня буду у Читы жить, мы договорились, – победоносно сообщил Алька.

– Оторвёт, когда приедет, – уточнила Данка. – Яр, у тебя в кармане платок. Он тебе очень нужен?

– Не очень...

Платок расстелили на каменном полу. Игнатик насыпал напето горку песка. Завязал в узелок. Получился белый мешочек размером с большое яблоко. Игнатик подобрал в очаге обугленную щепочку. Любовно нарисовал на мешочке круглые глазки, нос-пяточок, весёлый рот. Из кусков алю-

миниевой проволоки смастерил витые ножки, потом ручки с растопыренными пальцами. Оттянул на узелке с песком материю, прикрутил ручки там, где у рожицы должны быть уши. А ножки приделал к подбородку.

Получилось удивительное существо – не то четырёхлапый краб, не то безголовый человечек с рожицей на пузе.

– Надо цеплялку, – вполголоса сказал Игнатик.

Алька и Чита подхватили тонкую ржавую проволоку. Один конец обмотали вокруг выступающего камня на очаге, другой закрепили на железном крюке, вбитом в стену. В метре от пола.

Игнатик согнул пальцы бормотунчика, подвесил его за ручки на проволоке. Тот покачался и замер. Все тоже замерли, чего-то ждали.

У Яра на дне сознания шевелились мысли, что надо скоро возвращаться на крейсер, и получится ли это, и надо ли рассказывать там про всё, что случилось, и как грустно будет расставаться с ребятами, и удастся ли увидаться снова. Но самым главным был интерес: что за бормотунчик, для чего он?

Бормотунчик тихо качнулся. Его нарисованная рожица, конечно, не изменилась, но в глазах и улыбке появилось что-то живое. Так, по крайней мере, показалось Яру. Он услышал бормотание, попискивание, лёгкий треск, шёпот. Словно включился маленький расстроенный приёмник. Бормотунчик закачался сильнее... И вдруг, перебирая ручками,

двинулся по проволоке. Остановился у края очага. Прекратил качание, зацепившись ножками за камень. Не двинув угольным ртом, сказал картаво:

Раз-два-три-четыре-пять,
Я иду искать.
Если кто не спрятался,
Я не виноват...

Голос был механический, как у старинного магнитофончика.

– Какая-то незнакомая считалка, – проговорил Алька.

– Знакомая, – сказал Яр.

Бормотунчик шевельнулся и произнёс:

– С цифрой пять на медной бляшке, в синей форменной фуражке... Ну, что вам ещё?

– Сказку, – тихо попросил Игнатик и быстро оглянулся на Яра. – Какую-нибудь сказку про пятерых друзей...

В бормотунчике сильно зашелестело. Он опять покачался на тонких ручках. Сказал с металлической насмешливой ноткой:

– Сказок вам хватит и без меня. Смотрите, кругом такая р-романтика... Верно, Яр-р?...

Яр вздрогнул.

– Ты меня откуда знаешь?

Бормотунчик беспокойно задёргался:

– Я могу ответить только на один вопрос! На один. На

втором – крак – разряжусь. Ты спрашиваешь? Это вопрос?
– Нет-нет, это не вопрос, не отвечай, – торопливо сказал Игнатик. И прошептал Яру: – Он про многое знает, бормотунчики все такие...

Бормотунчик вдруг пропел дребезжащим голоском:

Та-ра-ра, та-ра-ра,
Очень странная игра,
Непонятную считалку
Барабанщик бьёт с утра:
Пять ворон,
Один патрон,
Сто врагов с пяти сторон.
Барабанит, барабанит,
А песок скрипит и ранит...

Он резко замолчал.

И все молчали. Алька нерешительно хихикнул, но Данка цыкнула. Бормотунчик вдруг спросил уже без дребезжанья, чисто:

– Что, Яр, досмотрел свой сон?

– Какой сон? – с неожиданным и резким страхом спросил Яр.

– Это вопрос?

– Это вопрос, – жёстко сказал Яр.

– Тот сон, как вы лезете по обрыву... Не бойся, он доберётся. Может, ты не доберёшься, а он доберётся...

– О чём это он? – прошептала Данка.

– Да мало ли что... Они часто несут всякую дребедень, – отозвался Чита.

– Сам ты несёшь дребедень, – обиженно сказал бормотунчик. – Лучше разожгите огонь. Ночевать будет холодно.

– А зачем нам здесь ночевать-то? – удивился Алька.

– Разожг... – тонко крикнул бормотунчик. Дёрнулся и безжизненно повис на проволоке.

Игнатик досадливо обернулся к Альке:

– Ну вот, он разрядился... Зачем ты полез со вторым вопросом?

– Да это и не вопрос вовсе! Просто у меня вырвалось...

– Ладно, пойдём, – вздохнула Данка. – Всё равно он был какой-то странный.

– Может, серебристых кристалликов мало в песке, – виновато сказал Игнатик.

– Наоборот! Полным-полно, я смотрел, – возразил Чита.

Яр не слушал ребят, мысли прыгали, как у мальчишки, который проснулся среди ночи, увидев загадочный и страшноватый сон... Казалось, столько всего случилось за этот день! Стоит ли удивляться? Но он удивился проницательности бормотунчика. И даже расстроился. Недаром на Земле говорят, что в приметы верят лишь дети и скадермены.

– А может, правда разожжём огонь? – звонко спросил Алька.

– Картошки-то нет... – заметил Чита.

– Не обязательно картошку печь. Просто так посидим у огонька, – тихо сказал Игнатик. – Недолго... Ладно, Яр?

2

Яр подумал, что огонь – это и в самом деле неплохо.

Сначала прохлада внутри крепости была приятной после жары. Но теперь чувствовалось, что воздух сыроватый и зябкий. Хотелось погреться. Да и просто хорошо посидеть у горящего очага.

Когда Яр последний раз сидел у живого огня? Боже мой, это было, когда ему стукнуло семнадцать лет. С однокурсниками из Ратальской школы он ушёл в лыжный поход, и группа подала в буран. Они укрылись в лесу, отыскивали охотничью избушку, развели огонь в печке. Это была такая хорошая ночь...

Яр встряхнулся. Вместе с ребятами он взялся собирать у стен и таскать к очагу старые доски, жёлтые обрывки бумаги. Доски были большие, в очаг не лезли. Одну из них, тонкую и трухлявую, Алька храбро попытался с размаху сломать о колено. Не сумел, конечно, завертелся на пятке, держась за ушибленную ногу.

– Олух царя небесного, опять покалечишься, – сказала Данка.

Яр, посмеиваясь в душе над собственным пижонством, положил доску на два камня, рубанул ребром ладони.

– Во... – с тихим восхищением выдохнул Игнатик.

– Ещё, – потребовал Алька.

Чита молча положил перед Ярм другую доску. Данка сказала:

– Так можно руку разбить...

Яр, усмехаясь, ударил ещё раз. И ещё. И заработал, как автоматическая дроворубка.

– Хватит уж... – сочувственно сказал Чита. – Вон сколько дров.

Яр гордо распрямился и украдкой стал потирать ладонь – поотшибал всё-таки. Алька, выгибаясь назад от тяжести, поволок охапку обломков к очагу.

– Ой, а спички? – растерянно сказала Данка.

Алька с шумом бросил дрова и обернулся. Чита посмотрел на Яра:

– У вас нет?

Яр оглянулся на Данку и развёл руками:

– Если нет в карманах, то...

– Папа не курил, – виновато сказала Данка.

– Вот и погрелись, – заявил Алька и с обиженным видом уселся на дровах.

Игнатик, сосредоточенно хмурясь, достал из кармана свечной огарок. Поставил на камень. Сел перед ним на корточки.

– Ой... – прошептала Данка. – Тик, ты думаешь, получится?

Он оглянулся резко, почти сердито.

– Подойдите.

Они послушно подошли, встали у Игнатика за спиной.

– Может, за руки взяться? – нерешительно сказала Данка.

– Нет... Яр, ты здесь? – Игнатик снизу вверх посмотрел на него. – Вот хорошо... Сейчас...

Свечка затрещала и зажглась.

Игнатик засмеялся. Встал. Сказал с негромким торжеством :

– А вы не верили... Яр, я им говорил, а они не верили.

Яр, ничего не понимая, кивнул.

– Как это не верили? Мы верили, – серьёзно сказал Чита. – Давайте разжигать камин.

Через пять минут пламя гудело и вытягивало языки в чёрную глубину дымохода. Из досок и камней ребята сделали скамейки, поставили их буквой П, «ножками» к очагу. Алька сел у края очага, слева. Чита – справа (и открыл книгу). Данка – рядом с Читой. Яр с Игнатином устроились напротив огня. Горячие блики запрыгали по лицам, оранжевая рубашка Игнатика засветилась, как отражённое пламя.

Игнатик шёпотом сказал – то ли Яру, то ли себе:

– Сколько огня от крошечной свечки...

– Но свечка-то... Как она зажглась сама собой? – отозвался Яр.

– Она не сама. Это я её... – вздохнул Игнатик, будто при-

знался в шалости.

– Он давно хотел, да нас было мало, – объяснил Алька. – Надо, чтобы пятеро...

– Братцы, – жалобно сказал Яр. – Объяснили бы вы всё по порядку, а?

– Тут целая история, – охотно отозвалась Данка. – Рассказать?

– Это ещё в прошлом году было, мы играли в лунки. На пустыре, у старого тополя... Ну, лунки – это простая игра. Надо выкопать ямки – столько ямок, сколько человек играет. В один ряд, в цепочку. Потом по этим лункам кто-нибудь пускает мячик. В чьей лунке мячик остановится, тот его хватает, кидает вверх и кричит: «Штандер!» Такое слово специальное. А когда мячик о землю стукнется, тот его снова ловит и бросает в кого-нибудь. А все, конечно, разбегаются, пока он не крикнул «штандер»... Ты такую игру знаешь, Яр?

– Я помню... Только, по-моему, лунки и "штандер" были две разные игры...

– Это, наверно, где как... В общем, мы решили играть. Стали рыть лунки. Алька наш, как всегда, заторопился: скорее, скорее... Молчи давай, не спорь... И получилось, что вырыл он две лунки вместо одной...

– Я за тебя старался, потому что ты еле двигалась...

– Господи, что за ребёнок...

– Сама...

– Тьфу... Ну и получилось: пять лунок, а нас, конечно, четверо. Хотели зарыть одну, а Тик вдруг и говорит: "Не надо, пускай пять остаётся..." До сих пор не знаю, почему он так сказал...

– Я и сам не знаю, – отозвался Игнатик.

– Мы говорим: "А кто будет хватать мячик, если он в пятую лунку угодит?" Он говорит: "Ну, пожалуйста, я буду..." Нам немножко страшно сделалось: будто впятером играем. И весело...

Сперва мячик в пятую лунку не попадал, она самая дальняя. А потом закатился...

– Это я катал, – сказал Алька.

– Ты, ты... Игнатик схватил да как кинет, как крикнет: "Штандер!" Звонко-звонко. Мы остановились, ждём: в кого он бросит? А он тоже стоит, голову поднял, вверх смотрит. Потом говорит: "Мячика нет..." Понимаете, мячик улетел и не вернулся.

– Совсем?.. Никогда? – полушёпотом спросил Яр.

– Да... Мы сперва решили, что он в ветках тополя застрял. Конечно, трудно ему там застрять: он гладкий, круглый. Да и тополь совсем не густой, полувysохший. Но если не там, то куда он девался? Стали палками кидать по веткам. Кидали, кидали – ничего нет. Потом смотрим – что-то летит вниз. Упало. Только не мячик, а свечка. Вот этот вот огарочек. Взяли, а она тёплая, и фитилёк ещё дымится... Смотрели-смотрели, думали-думали: что такое? Откуда она взя-

лась? Ничего не придумали, конечно... Тик вдруг говорит: "Спорим, что я её сейчас зажгу! Без спичек, просто так!" Мы, конечно, удивились: Тик никогда не хвастается, не то что некоторые... А он опять: "Вот возьму и зажгу..."

Поставил свечку на землю, сел перед ней, потом нас позвал поближе. Вот так же, как сейчас. Смотрел, смотрел на неё... Свечка вдруг зачала, искорка появилась на фитильке. А больше ничего... Ну, Тик чуть не заплакал... Тик, ты не обижайся. Яру ведь всё можно говорить... По правде говоря, даже почти заплакал. А потом сказал: "Вот если бы нас было пятеро, вот тогда бы..." В тот вечер, Яр, мы в первый раз подумали: а может, в самом деле хорошо, если пятеро?

– И придумали меня... – усмехнулся Яр.

– Ты всё ещё обижаешься... – насупленно прошептал Алька.

– Нет, – сказал Яр очень серьёзно. – Только объясните мне до конца: зачем вы меня позвали? Ведь не для того же, чтобы свечки зажигать, да?

– Да, – вздохнул Игнатик и придвинулся к Яру плотнее.

А Данка сумрачно сказала:

– Потому что вчетвером нам плохо.

Чита быстро поднял на неё глаза, она смешалась:

– Ой, нет, я не то... Нам, конечно, хорошо вчетвером, только...

– Только пять лучше, чем четыре, – объяснил Чита и закрыл книгу. – Видимо, правду говорили в старину, что если

людей пятеро, они неуязвимы. Им не страшно...

– А вы... – осторожно сказал Яр. – Кого-то боитесь? Или чего-то?

Ребята сидели неподвижно, лишь Алька машинально потирал коленки, ему припекало их близким пламенем. Но он не отодвигался. Игнатик прислонился виском к плечу Яра. Он всегда держался ближе всех к Яру, и это право никто у него не отнимал. Зато он был молчаливее других.

Однако сейчас Игнатик заговорил:

– Никто не знает... Но все боятся.

– Непонятно... – отозвался Яр.

– В том-то и дело, что непонятно, – подавленно сказал Чита. – Вроде бы всё в порядке. Бегаем, играем, в кино ходим, всё у нас есть. Не то что в старину, когда воевали и голодали. А только временами что-то не так...

– Что не так? – напряжённо спросил Яр. – Что, ребята?

– Многое. Даже не объяснишь, – вздохнула Данка.

– Да нет, можно объяснить! – резко перебил Чита. – Ну вот, недавно Алька вечером прибегает и дрожит: "Почему облака такие? Я не могу на такие смотреть..."

– Я не дрожал... Просто холодно было, – тихо сказал Алька и стал дуть на коленки. Потом завозился и отодвинулся от огня.

– А что за облака? – спросил Яр.

– Обыкновенные, серенькие... А я посмотрел, и тоже страшно стало. А потом оказалось, что полгорода в панике

было...

– Ну а дальше? Что-нибудь случилось?

– На этот раз нет... Правда, две машины столкнулись... А зато четыре года назад – эпидемия. И какая-то непонятная: все врачи заболели первыми... И в позапрошлом году опять...

– Или нашествия эти... – сказала Данка.

– Какие?...-начал Яр. Но его звонко перебил Алька:

– А почему нельзя на тот берег?

– Или нельзя дружить с кем хочешь, – негромко сказал Игнатик. – Нам-то повезло, не запрещают. А бывает наоборот...

– Бывает, что говорят: с этим не дружи, – разъяснил Чита.

– Кто говорит?

Чита пожал плечами:

– Вроде бы никто и не говорит. А все знают: нельзя.

– Ничего не понимаю,-искренне сказал Яр. – Облака, эпидемия, дружить нельзя... А почему на цифре пять такое проклятие?

– Её боятся, – сказала Данка.

– Кто?

– Все. Кроме нас, – ответил Игнатик и потерялся виском о плечо Яра.

– Кто-то боится по глупости. А кто-то... боится, что перестанут бояться, – раздумчиво проговорил Чита.

– Про это даже сказки есть, Яр, – оживился Игнатик. –

Там, если пять человек, у них всегда всё получается, они сильные. Но в сказках это всегда плохие люди... в общем, отрицательные герои. Разбойники, пираты, колдуны всякие. Но, по-моему, это специально, чтобы пример не брали... Зато они непобедимые...

– Вот и вы сказку выдумали. Про меня, – с грустью сказал Яр. Он думал, что и ребята загрустят. Но они оживились.

– Это Тик придумал! – радостно сообщил Алька.

Данка объяснила:

Он приходит однажды и говорит: "Давайте играть, будто голубятня – это звездолёт и в нём есть человек, который наш друг. И будто мы всегда можем с ним встретиться..." Ну, мы и стали играть.

– А потом поверили, что это по правде, – серьёзно сказал Алька. – Тик говорит: "Давайте в самом деле позовём Яра".

– Мы сперва не хотели, – немного виновато объяснил Игнатик. – Мы даже не думали. А потом показалось, что это можно...

– Если уж Тик во что-то поверил – значит, можно, – заметила Данка.

– У Игната – ума палата, – с привычной подковыркой сказал Алька. Но Данка на него не цыкнула.

– И сразу это получилось? – поинтересовался Яр.

– Не... – вздохнул Игнатик. – Я много раз пробовал, но не выходило... Наверно, это можно только когда скадер в субпространстве... Сегодня подошёл к голубятне и, сам не знаю

почему, думаю: "Вот сейчас, наверно, получится. Наверно, Яр один на вахте".

– Слушайте, добры молодцы! – воскликнул Яр. – А имя тоже в ы мне придумали? Или оно всё же моё собственное?

– Тут, видимо, просто совпадение, – вежливо сказал Чита.

– Много совпадений, – вздохнул Яр. – Больше, чем вы думаете...

Игнатик беспокойно зашевелился, глянул Яру в лицо: "Это плохо, что много?" Яр улыбнулся.

– Скажите-ка, а какой был мячик? Тот, что улетел. Синий?

– Да, – торопливо кивнул Игнатик.

– И три белые полоски, – добавил Алька. – Как на матросском воротнике. У меня такой есть...

– И фабричное клеймо, – сказал Яр. – Стёршийся красный треугольничек... Да?

3

Когда же это случилось? Месяца через два после того, как Яська познакомился с Юриком. Да. И было им в то время по одиннадцати лет, в пятый класс перешли. А Славику Раскатову исполнилось десять. Он был самый младший, зато самый большой придумывальщик. Это он и вспомнил, что у бабки Каблуковой на пустом, но запертом сеновале стоит старинный сундук неизвестно с чем.

Вспомнил вечером, когда сидели в тёмной голубятне и рассказывали всякие истории: про клады, подземные ходы и привидения.

Сундук заметили ещё ранней весной, когда по просьбе бабки скидывали снег с сарая. Тяжелый Димка Савченко провалился ступнёй сквозь трухлявую тесину, получилась дыра, и все в неё заглянули. Как не заглянуть, если дыра? Тогда и разглядели: на полу, разлинованном полосками солнца, стоит горбатый сундучище, обитый узорчатым железом. Потолковали об этом, но без особого интереса: надо было кончать со снегом. Потом вышла Каблучиха, расплатилась за работу карамельками, ребята ушли со двора и про сундук забыли.

А сейчас вот Славик сказал:

– Вдруг она там какие-то сокровища хранит?

– Что она, психованная? – хмыкнул Димка.

Димка был бабкин сосед. Они обитали в одном дворе, только Димкин флигель стоял в глубине, в садике, а бабкин дом выходил окнами на улицу. Каблучиха жила с глухонемой племянницей, больше у них никого не было. И коровы давно не было. Сено поэтому на сеновале не водилось, но на дверях почему-то висел замок.

– Замок просто из вредности, чтобы мы не лазили, – объяснил Димка. Свою престарелую соседку он знал прекрасно. – А в сундуке шиш, а не сокровища. Бабка из ума ещё не выжила, чтобы на трухлявом сеновале ценности прятать.

– Нам чужие ценности мне нужны, – слегка обиделся Славик. – А может, там такое, что бабка и сама не понимает. Вдруг какие-нибудь книги старинные или карты морские? Может, у неё какой-нибудь предок был путешественник?

– Я где-то слышал такую фамилию: адмирал Каблуков, – задумчиво сказал Юрик.

– А вдруг там оружие ржавое! – неутомимо подбавлял интересу Славик.

И все наконец поняли, как отчаянно им хочется разведать: что в сундуке? Им хотелось приключений. Всем, кроме Димки, который боялся соседки. Но Димке бурно доказали, что бабка в такой тёмный вечер на двор не сунется и что дело вообще пустяковое – забраться по щелястой стене, отодрать доску и пролезть в дыру.

Димка, вздыхая, сказал:

– А как без света?

Фонарика с собой ни у кого не было. Если идти за ним домой, это ловушка: "Хватит бегать, ночь на дворе!" Было около десяти, над голубятней висело чёрное небо августа с большущими звёздами.

– А свечка? – догадался Юрик.

И они обрадованно вытащили из тайничка огарок свечи, которую иногда зажигали в голубятне. И спички, конечно.

На сеновал проникли быстро. Зажгли огарок. И стало всё как полагается: страшиновато, громадные тени кругом, шелест какой-то по углам. Разговор получался только шёпотом.

Сундук был не заперт. Юрик поднатужился и стал поднимать горбатую пудовую крышку. Она, конечно, скрипела. Юркины продолговатые глаза отражали золотые точки. Никто не дышал. Только Славик тихонько ойкнул: он сидел у сундука на корточках, держал перед собой свечку, и горячий стеарин капнул ему на ногу.

Крышка поднималась, поднималась и наконец с шумом упала назад: Юрик не удержал тяжесть. Огонёк свечи заметался. Все замерли, будто сюда могла ворваться толпа вооруженных стражников...

Потом заглянули в сундук.

В сундуке ничего не было.

Совсем ничего. Даже дна.

Янтарно светились стенки из старого некрашеного дерева, а вместо дна чернел прямоугольник пустоты.

Кладоискатели переглянулись. Потом снова посмотрели вниз.

– Люк, – прошептал Яська.

– Тайный ход, – отозвался Славик тоже шёпотом.

– Странно, – сказал Юрик. – Куда же он ведёт?

– Куда, кроме стойла, – хмыкнул Димка. – На тот свет, что ли?..

Из чёрной пустоты веяло неуютным холодком.

Славик перегнулся через край сундука, чтобы посветить в глубину. Опять сказал "ой" и выпустил свечку. Она полетела в люк и тут же погасла.

– У, растяпа, – процедил Димка.

– Все пальцы горячим закапало, – виновато объяснил Славик.

– Вот устроим "звоните ноль-один", будет тогда горячее, – сказал Димка.

– Она же погасла, – оправдывался в темноте Славик.

– Погасла... А завтра Каблукова её в стойле найдёт и сразу – к мамке. На меня все шишки...

Все озабоченно помолчали.

– Пусть сперва докажут, что наша, – попытался успокоить Димку Яська.

– Мамка-то? Она докажет, – сумрачно сказал Димка. – У неё для этого туристский ремень специально в "Спорттоварах" куплен...

Тогда Славик проговорил виновато и решительно:

– Я сейчас туда спрыгну и найду свечку. Раз сам уронил... Посветите спичками.

Яська чиркнул щепоткой спичек о коробок. При разгоревшемся огне тоненький и быстрый Славик перекинул ноги через край сундука, повис в нём, вцепившись в кромку. Он не боялся, знал, что до пола невысоко. Димка ухватил его за скрещенные на спине лямки штанов, как за багажные ремни. Легко вынул обратно.

– Балда. Там грабли валяются да вилы. Наденешься... Айда лучше через низ, со двора.

Стойло не запиралось. Они просочились в глухую, пахну-

щую трухой и старым деревом темноту.

– Тепло... – удивлённо прошептал Славик. – А когда я висел, такая холодища была, до сих пор ноги в пупырышках...

Они стали зажигать спичку за спичкой, искать огарок среди пустых бочек, сломанных стульев, лопат и метёлок. Не нашли.

– Надо под самым люком смотреть, – посоветовал Яська. Но жиденький свет не достигал потолка, люк нельзя было разглядеть. Наконец спички кончились.

– Ну и чёрт с ней, со свечкой, – буркнул Димка. – Мы не нашли – бабка тоже не найдет...

– Странно. Зачем на сеновал тайный ход через сундук? – задумчиво сказал Юрик.

Димка хмыкнул:

– Может, к бабке в молодости на сеновал парни лазили. На свидания...

Он больше своих друзей был искушен в жизни и меньше их увлекался романтикой.

– Странно, – повторил Юрик.

Но самое странное случилось утром.

Димка и Яська решили – на всякий случай – ещё раз поискать свечку, а заодно убрать с пола обгорелые спички. Было светло, в квадратные оконца врывались яркие лучи.

Свечку не нашли.

Не было и люка на потолке.

– Может, бабка приходила, задвинула какой-нибудь тайной крышкой? – с тревогой сказал Яська.

Но на досках потолка не было никаких щелей и прорезей.

– Айда на сеновал, – скомандовал Димка.

Они пробрались к сундуку прежним путём, через дыру в задней стене. Крышка у сундука была откинута: её так и оставили вечером. Яська и Димка заглянули...

Разумеется, у сундука было дно. Гладкое, прочное, такое же, как жёлтые некрашенные стенки.

Сундук был пуст. Лишь в уголке, будто притаившись, лежал мячик.

Потёртый синий мячик. С тремя белыми полосками – как на старенькой матроске Славки Раскатова.

4

– Вот такая история, братцы, – закончил Яр.

Трещал огонь, в который Чита аккуратно подкладывал обломки досок. Он положил последний обломок и сказал:

– А что... В этом есть какая-то связь.

– Ничего себе "какая-то"! – отозвалась Данка.

Алька уверенно заявил:

– Значит, это наш мячик.

– Не знаю, – сказал Яр. – Это же было очень давно.

– Что такое "давно" для космоса? – мудро заметил Чита.

"Для космоса, может быть, и ничего. Но для меня..." –

подумал Яр.

Нет уже давным-давно ни Славика Раскатова, ни Димки Савченко, ни Валерки Дымова. Славик стал военным и погиб в короткой стычке на одной из восточных границ – тогда ещё случалось такое. Димка, говорят, до старости работал учителем труда в той же школе, в которую они когда-то бежали пацанами. Валерка закончил философский факультет и был крупным учёным – он и в детстве отличался рассудительностью. Именно он, вернувшись из летнего лагеря, доказал тогда Яське, Славику, Юрику и Димке, что история с сундуком – это явление коллективного самогипноза. Намечались о приключениях – и вот получили, чего хотели.

Впрочем, не совсем доказал. Славик говорил, покачивая кудлатой головой на тоненькой шее:

– Не так это просто.

И рассказывал, что, когда висел в сундуке и у него коченели от непонятного холода ноги, он глянул вниз, через плечо. И увидел какие-то огоньки. Будто звездочки в чёрной глубине.

– Это были светляки, – сказал Валерка.

– Они у нас сроду не водились! – возмутился Димка.

– Ну, гнилушки... Или показалось...

Так и не договорились.

А теперь уж нет никого. С космосом связал себя только Яр. И сейчас он был от своего детства гораздо дальше, чем просто взрослый человек. Все, кого любил, все, с кем дру-

жил, остались далеко-далеко...

Хотя, кто знает? Может быть, Юрик... Что стало с Юриком, Яр не знал. И ещё Галка... Девочка, которая появилась в их компании, когда уехал Юрик. Может быть, и она жива? Галка... Как быстро и незаметно они выросли. И как Яру хотелось, чтобы у них был сын Юрик – в память о друге детства...

Игнатик зашевелился под боком у Яра и вдруг взволнованно заговорил:

– Ой, ребята... А если бы тот мальчик... ну, Славик... Если бы он прыгнул в сундук? Значит, прилетел бы к нам вслед за свечкой?

– Ой, правда... – почему-то испугалась Данка.

Чита сказал:

– Не исключено.

– Вот шлёпнулся бы, – заметил Алька, но без насмешки, с сочувствием.

– Он сначала застрял бы в тополе, – успокоил Игнатик. – А потом бы спустился по веткам.

– И это было бы гораздо лучше, чем звать меня, – со вздохом заметил Яр.

– Почему? – с беспокойством спросил Игнатик.

– Потому что он гораздо больше годился бы для вашей компании, чем такой старый хрыч, как я...

– Вы так ничего и не поняли, Яр, – с упрёком сказал Чита.

– Кто бы разрешил нам дружить с мальчишкой? С пятым-то! – воскликнул Алька. – Мы потому тебя и придумали, что взрослый. Ой...

Игнатик объяснил тихо:

– Взрослого никто не заподозрит, что он наш друг.

Яр помолчал, глядя, как рассыпаются на угольки прогоревшие доски. Сизый дым, крутясь, убегал в чёрный зев дымохода. Игнатик тепло дышал у плеча. Сидеть бы так до бесконечности...

Яр неловко шевельнулся.

– Хорошие вы люди. И мне с вами хорошо... Но ведь скоро я уйду. Я должен, никуда не денешься.

– Обязательно должен? – прошептала Данка.

Яр кивнул.

Игнатик сказал торопливо и жалобно:

– Но главное же не это. Главное, что ты есть. И ты ведь будешь к нам приходить. Да?

– Я бы хотел, – неуверенно отозвался Яр. – Но это зависит от вас, сам я не умею... И крейсер ведь не часто заходит в субпространстве. Два или три раза за весь рейс...

Доски совсем прогорели. Чита больше не подбрасывал дров в огонь. Может быть, потому, что ему тоже стало грустно?

Яр осторожно спросил:

– А что, ребята, не пора нам? Вроде бы темнеет.

– Что ты, ещё день, – сказала Данка.

Яр взглянул на часы. Половина пятого. Для лета в самом деле день. Почему же круглое отверстие у потолка погасло?

– Наверно, туча, – сказал Игнатик. – Гроза будет.

– Я сбегая, посмотрю! – Алька по винтовой лестнице умчался в Львиный зал.

И долго его не было.

Потом слышали:

– Идите сюда! Скорее!!

Это был тревожный, даже отчаянный крик. Яр первый метнулся на лестницу. В узких окнах зала тоже сгустилась темнота. Алька стоял у окна, забравшись на опрокинутого льва.

– Смотрите, что случилось!

Все бросились к окнам.

Яр увидел плавный изгиб высокого берега, улицы и деревья. Над ними вставала угольно-чёрная туча с ровным, будто обрезанным краем. На её фоне подымались светлые спиральные вихри.

"Ох и грянет сейчас", – подумал Яр.

Грозовая стена с нарастающей скоростью двигалась над городом, прямо к крепости. С дальних деревьев в единый миг сдуло листья. Не было ни молний, ни грома, но вдруг яркой свечкой загорелся на берегу деревянный домик.

Яра кто-то рванул от окна. Это был Чита.

– Отойдите! – Он отбросил от окон Данку, Игнатика, Альку. – Отойдите! Надо вниз! Это нашествие!

У входа на винтовую лестницу сохранилась железная дверца. Чита вытолкал всех из зала на ступеньки, отчаянно налег на дверцу, она закрылась под ржавое завывание петель. Стало темно, только внизу светились угли очага.

Данка громко всхлипнула, ухватилась за ржавое кольцо.

– Отойди, – хмуро сказал Чита. – Спускайтесь, ребята.

– Пусти, дурак! Тебе хорошо, у тебя родители за городом!

А у меня мама там!

– Уйдёт в подвал, – тихо сказал Чита.

– Куда она уйдёт от больных?! Она же на дежурстве!

– Уйдёт с больными... Ты всё равно ничем ей не поможешь.

– Я хотя бы узнаю, что там... Ну пусти!

– Ты не проберёшься в город. Сгоришь, вот и всё – сказал

Алька.

Данка завсхлипывала сильнее, но медленно пошла вниз.

Яр с ребятами спустился к очагу. Все молча сели на прежние места. Чита кинул на угли обломки досок. Медленно разгорелся огонь. Только тогда Яр спросил:

– Что такое нашествие?

– Разве ты не знаешь? – со слезами отозвалась Данка.

– Это туча, – сказал Алька.

– Что за туча? Гроза? Тайфун? Или пепел от вулкана?

Что?

– Говорят, она живая, – прошептал Игнатик. – И всех убивает. – Он опять сидел рядом с Ярмом. И каждой клеточкой, каждым нервом Яр ощутил, как Игнатик боится.

– Это как нападение врага, – сумрачно объяснил Чита. – Она всё сжигает молниями или превращает в крошки и шлак...

Яр больше не решился приставать с расспросами. Ребята и так были перепуганы.

Чита, видимо, догадался, что Яру по-прежнему ничего не ясно.

– Что это за тучи, никто не знает, – сказал Чита. – И откуда они берутся, толком не известно. А мы тем более не знаем. Последний раз нашествие случилось, когда нас на свете не было.

– Я уже была, – всхлипнула Данка. – Только я ничего не помню.

Яр посмотрел вверх. Отверстие под потолком выделялось, как бархатный чёрный кружок на слабо освещённых камнях.

– И долго длится нашествие? – спросил Яр.

– Говорят, недолго, – ответил Чита. – Как гроза... Только после этого целые сутки нельзя высовываться из убежища, потому что остаётся электричество. Между домами молнии проскакивают... И ещё рассказывают, что часть тучи оседает и живёт...

– Как это?

– Не знаю... А нам придётся здесь до завтрашнего вечера отсиживаться.

– Повезло ещё, – как-то очень по-взрослому заметил Алька.

– "Повезло", – с сердитым всхлипом отозвалась Данка.

Огонь опять с треском разгорелся в очаге. Но теперь он не радовал. Глядя на пламя, Алька пробормотал:

– Там, наверно, дома горят...

Игнатик прошептал:

– Яр, не сердись. Я ведь не нарочно.

– За что мне сердиться, Тик?

– Если голубятня сгорит... Я тогда не знаю, как ты обратно...

– Обратно – это потом, – сказал Яр. – Там посмотрим.

Он был почти спокоен. Скадермен Ярослав Родин попал на незнакомую планету и оказался в чрезвычайных обстоятельствах. Скадермену Родину было не впервой попадать в такие обстоятельства. Взять хотя бы случай, когда вездеход заглох в песчаных горах АЦ-1. Шансов на возвращение тогда было не больше, чем сейчас.

Оказавшись в чрезвычайных обстоятельствах, член экипажа СКДР должен данные обстоятельства взвесить, поставить перед собой чёткую задачу и всеми средствами стремиться эту задачу решить.

Задача была: обеспечить безопасность четырёх несовершеннолетних граждан Планеты, с которыми скадермена Ро-

дина свели судьба или случай. Это был долг скадермена Родина. Это было желание Яра – пятого человека в маленькой компании заговорщиков, запертых в старой крепости. Яр прогнал воспоминание об уютной рубке скадера и деловито сказал:

– Будем устраиваться на ночь.

К счастью, досок в круглой комнате было много: целый штабель. Из них сделали широкие нары. Нечего было постелить и нечем укрыться, но Алька бодро сказал :

– Подумаешь! Обойдёмся.

Яр, однако, понимал, что придётся всю ночь поддерживать огонь, иначе ребята продрогнут в зябком каменном помещении.

Спать никто не хотел, мешали тревожные мысли. Да и рано ещё было. Чита неуверенно попросил:

– Яр, вы не могли бы рассказать про другие планеты?

– Мог бы, – согласился Яр. Надо было занять время.

Он стал рассказывать про вихри Меркатора, про песчаных кротов на АЦ, про развалины Леды. Про Чёрные Кристаллы, которые без лишних церемоний выставили со своей планеты экспедицию землян.

– А что за кристаллы? В самом деле живые? – заинтересовался Алька.

– Безусловно... И не совсем чёрные. Когда приглядишься, у них в глубине мерцают радужные огоньки. Словно све-

товая азбука или сигналы какие-то... Разные были кристаллы – некоторые с ноготь, а некоторые с дом. Они все время росли и соединялись в разные фигуры. Будто город из себя строили... Конечно, это была жизнь, только нам совершенно непонятная...

– А вы пытались объяснить? – спросил Чита.

– Всеми способами... И на третий день на громадном кристалле появились ответные слова. Метровыми буквами, очень красивым академическим шрифтом: "Уходите, пожалуйста. Вы нам мешаете".

– И вы улетели? – огорчился Алька.

– А что было делать? В чужой дом соваться без спросу?... Мы позволили себе только одну невежливость. Уже из люка наш тогдашний капитан, Лёва Замятин, сказал им: "Ну и фиг с вами, хрустальные болваны".

Игнатик улыбнулся. Алька оживлённо спросил:

– А они ответили?

– Ответили, – соврал Яр. – Зажгли слова: "Фиг с тобой, Лёва".

Данка тоненько засмеялась. И вдруг отчаянно вскрикнула, слетела с нар.

По шероховатой доске ползло странное существо размером с жёлудь. Не то жук, не то шмель с короткими крыльшками. Оно слабо двигало ножками, скребло отвисшим брюшком по дереву. Оно тускло поблёскивало, как свинец.

За ним ползли ещё два таких же существа.

Чита, Игнатик и Алька следом за Данкой шарахнулись с нар.

– Вот о н и... – вздрагивая, сказал издалека Чита.

– Кто? – спросил Яр, передернувшись от отвращения.

– Ну, э т и... из которых состоит туча.

Яр пересилил себя и нагнулся над насекомым. Скорее всего, это был шмель. Яр потянул к нему палец.

– Не трогай! – взвизгнула Данка.

Яр поморщился и тронул шмеля. Между пальцем и шмелём проскочила синяя искра. Палец ощутимо кольнуло. Яр отдёргнул руку.

– Электрические твари... Да не бойтесь, поодиночке они не опасны. Противно только...

Шмель, выпустив заряд, перевернулся на спину, дёрнул ножками и съёжился. Яр опять задел его, искры не было.

– Сдох, – сказал Чита.

Подскочили Игнатик с Алькой, обломками досок трахнули по шмелям – по живым и по издохшему. Игнатик был бледный, и на лбу у него искрились капельки. Он часто переглатывал.

Яр взял за крылышко раздавленного шмеля. Тот оказался удивительно тяжёлым – как свинцовая пуля. Из лопнувшего брюшка свисал комок внутренностей – что-то вроде смолы с жёлтыми прожилками.

"Ничего похожего на простое насекомое", – подумал Яр. Зажмурился от брезгливости и кинул шмеля в огонь. На

пальцах осталась жирная металлическая пыль, похожая на графитную смазку.

– Наверно, они в щель под дверью пролезли. Пойду заложу, – сказал Чита и с короткой доской стал подниматься по лесенке.

– А может, оттуда залетели? – Игнатик посмотрел на отверстие под потолком. Отдушина была высоко, да и заткнуть нечем.

Но и не надо было затыкать. Чернота вверху исчезла. Виднелось синевато-серое вечернее небо, а в нём – лёгкое облачко, освещённое отблеском заката.

Наступила ночь. Притихшие ребята улеглись на твёрдых нарах. Яр заставил их сдвинуться плотнее, укрыл распахнутым пиджаком. Сам не лёг, сидел у огня. Часы текли незаметно. Яр умел настраивать себя так, чтобы время бежало быстро. Он не думал ни о чём важном. Завтрашний день покажет, что делать. А пока Яр смотрел в огонь и вспоминал костры – те, что он с друзьями разжигал в детстве на пустырях и лесных полянах. Иногда оглядывался на ребят. Данка спала, положив голову на Читино плечо. Чита лежал на спине, Данкины длинные волосы щекотали ему подбородок, он смешно морщился во сне. Яр осторожно вынул у него из нагрудного кармана очки – вдруг повернётся и раздавит. Убрал их с книгой на край лежанки.

Игнатик и Алька спали, уткнувшись друг в друга носами и

перепутавшись испачканными в пыли и копоты ногами. Тёплый воздух шёл от очага на ребят, им не было холодно, и всё же Яр тихонько расправил на них пиджак...

...Среди ночи проснулся Алька. Сел. Посмотрел на Яра, сказал со вздохом:

– В желудке всё засохло...

– Ничего, – строго заметил Яр. – Никто не умер оттого, что сутки поголодал.

– Да я не про голод. Пить хочется.

Яр понял, что ему самому хочется пить. Очень. Но ему – это ладно. А как быть с ребяташками? Жажда – штука скверная. Словно откликаясь на эти мысли, проснулись остальные. Яр умоляюще посмотрел на Альку: "Не надо про воду". И тот понял. Но Игнатик облизнул губы и спросил:

– А воды нет?

– Откуда? – хмуро сказал Чита.

Данка тоже провела языком по губам. Промолчала.

Когда они пили последний раз? Во время купанья. Примерно полсуток назад. Не такое уж большое время прошло. Но если знаешь, что нет воды, пить хочется в десять раз сильнее. К тому же днем все пережарились на солнце, а потом перегрелись у пламени.

Яр почувствовал, будто у него в горле и желудке сухой песок. На это, конечно, наплевать. Но если то же самое чувствуют остальные...

В отдушине под потолком ласково сияла звёздочка.

– Схожу на разведку, – сказал Яр.

– Яр, не ходи! – Игнатик рывком придвинулся к нему.

– Я не долго. И ничего со мной не будет. Меня не берут ни электричество, ни излучение и ничто другое. К тому же все заряды наверняка ушли в сырой песок... Я скоро вернусь.

– Не делайте этого, Яр, – веско сказал Чита. – Неизвестно, чем это кончится.

– Известно, – улыбнулся Яр. – Я найду несколько пустых бутылок, вымою их в реке и принесу воды... Братцы, да вы не бойтесь. Я бывал во всяких переделках и всегда возвращался. Здесь дела-то на пять минут...

Больше он не стал ничего говорить. Не стал прощаться. Взял пиджак. Легко взбежал к двери и сверху оглянулся. Последнее, что он заметил перед уходом, – повисшего в углу у очага бормотунчика. Яру показалось, что бормотунчик шевельнулся.

"Охраняй ребят", – мысленно попросил его Яр. И щёлкнул пальцами, чтобы отогнать всякую беду.

Прикрыв за собой тяжёлую дверь. Яр осмотрелся. На стенах Львиного зала танцевали отблески. Неяркие, но заметные. В окно Яр увидел, что над берегом горят несколько домов. Ровное пламя перебивалось похожими на лиловые звёзды вспышками. Яр пошёл к выходу на крепостной двор. Под ногами с легким электрическим треском лопались шмели.

Над башнями светилось бледное небо июньской ночи.

Ясное, с редкими звёздочками. Через маленькие сводчатые ворота Яр выбрался на обрыв. Пахло речной водой, влажным песком. На западе, у горизонта, запрокинувшись, висел круто изогнутый месяц. На дальнем берегу, будто не было никакого нашествия, мигали спокойные огоньки.

Яр подобрал в зале шесть старых бутылок и теперь держал их в охапке. Спускаться с такой ношей по сыпучему обрыву было немыслимо. Пришлось искать иную дорогу.

Метрах в ста от крепости Яр обнаружил тропинку. Здесь берег был не такой крутой, тропинка плавными изгибами уходила к воде по заросшим откосам. Яр спустился. Река тихо плеснула ему навстречу. Яр быстро, но тщательно вымыл бутылки. Наполнил их. Подсадовал, что нет пробок, придётся нести так.

Прижимая скользкие бутылки к пиджаку, Яр двинулся к тропинке. Крепость чернела на светлом небе, громадная и бесформенная.

Потом силуэт крепости изменился. Сломался.

Яр ногами ощутил упругий толчок земли. Крепость осела, стала оползать, рассыпаться, съезжать в реку. Башни раскалывались, превращались в груды...

Лишь через несколько секунд до Яра дошел нарастающий гул.

Глава третья

ПЕРЕЙТИ РЕКУ...

1

Жёлтый закат над рекой был громадный, но тусклый. В воздухе словно рассеяли медную пыль. Вода отражала закатное небо во всю ширину, от берега до берега.

Пароход натужно дышал котлами и шлёпал по воде досками гребных колес. Яр стоял на нижней палубе, у сетчатых перил с обшарпанным спасательным кругом. Вода отваливалась от низкой паровой скулы жёлтыми пластами.

В жёлтой воде была тоска. Она была везде – внутри Яра и вокруг. И не было ничего, кроме жёлтой тоски.

И быть не могло.

...Яр плохо помнил, как оказался на пароходе. Кажется, он сидел на берегу, на мокрой коряге, когда к нему подошли два бородатых матроса и один сказал с неловким сочувствием:

– Чего же так сидеть-то?.. Пойдёмте, мы вас доведём до Чайной Пристани, а там видно будет.

Или это после сказали?

Да, сначала он долго шёл по берегу, потом увидел пароход,

приткнувшийся носом прямо к бурой крутизне глинистого откоса. Сел. С квадратного высокого мостика его окликнул пожилой капитан в мятой фуражке.

– Вы к нам?

– У меня билета нет, – бессмысленно отозвался Яр.

– Это неважно. *Купите* здесь.

Яр машинально поднялся на палубу. Капитан сошёл навстречу. Оглядел перепачканный костюм Яра.

– Вы из Орехова? Ступайте в четвёртую каюту, там свободно.

"У меня нет денег", – хотел сказать Яр, но не сказал. Потому что это не имело значения. Ничто не имело значения.

В каюте он долго сидел на узкой клеёнчатой койке и смотрел, как рябит на стене отражение воды. Стукнули в дверь, вошёл морщинистый и седоусый пассажирский помощник. Осторожно проговорил:

– Вы бы почистились... Потом побриться можно, у нас тут парикмахерская, мастер приличный.

– Ладно, – сказал Яр.

В тесной ванной кабинке он вычистил, как мог, пиджак и брюки. Он делал это механически. Думал он об одном: о чудовищной гряде камней, земли и песка, в которую превратилась крепость. Даже не думал, а просто видел перед собой этот песок и эти камни.

...Как отчаянно он тогда метался среди кирпичных завалов. Как старался их разгрести, вгрызался в щебень, стре-

мился собственным телом пробить тысячетонную тяжесть! Конечно, он вёл себя не как скадермен. Он потерял от страха и тоски голову. Он понимал, что надежды нет, и не хотел это понимать, пытался окровавленными пальцами разрыть руины цитадели. Потом кинулся к городу.

Его остановили какие-то люди в комбинезонах. Остановили решительно, велели убираться – в город нельзя. Обозвали идиотом, когда он начал говорить о крепости. В городе погибли и ранены сотни людей, кто сейчас будет заниматься цитаделью! Там нужны десятки машин и годы работы.

Но, видимо, отчаяние Яра было таким, что два человека пошли с ним. С полчаса лазили по сыпучим глыбам обвала. Потом пожали плечами и оставили Яра одного.

Яр до рассвета разгребал осыпи. Пытался найти какую-нибудь щель, ход, лазейку. Среди кирпичей он увидел стоптанную ребячью сандалету. Алькина?

Она не могла быть Алькиной. Алька остался там, под десятками метров каменной толщи. Все остались...

А почему он, Яр, не остался?

Яр осторожно поставил сандалету на камень и стал спускаться к воде. Какой смысл разгребать камни? Если даже он чудом пробьётся внутрь, то... То, что он найдёт, уже не будет Алькой, Игнатином, Данкой, Читой...

Яр долго брёл вдоль воды и оказался на пароходе.

...Из кармана пиджака выпала тонкая кожаная книжица. Яр машинально поднял. Это был плоский бумажник. В нём

оказалось несколько четырехрублёвых ассигнаций и квитанция страхового общества на имя Я. Охты – видимо, Данкиного отца. То ли Данка специально сунула бумажник для Яра, то ли он лежал в кармане с давних времён...

"Вот и деньги на билет", – механически подумал Яр и снова сунул бумажник в карман. И нащупал там какую-то жёсткую бумагу. Вроде открытки. Это был фотоснимок. Тот, что сделали вчера в фотоавтомате. Игнатик, Алька, Чита и Данка стояли с Яром живые-живые, весёлые-весёлые. И мысль, что теперь они растёрты каменными глыбами, стиснула Яра новым отчаянием.

Он с полчаса стоял, прижимаясь лбом к острому косяку, и не было ни мыслей, ни дыхания, ни ощущений. Был только протяжный молчаливый крик. Вой тоски и боли. И он не приносил облегчения...

Потом Яр заставил себя выпрямиться. Стараясь больше не смотреть на снимок, опустил его в карман. Умылся. Сходил к парикмахеру, который сбрил отросшую за сутки щетину. Купил у пассажирского помощника билет. Ушёл на нос парохода, на нижнюю палубу, и стоял там до вечера. Один раз подходил помощник, звал обедать в салон. Яр покачал головой.

Больше его не беспокоили. Пассажиры то ли обходили Яра, то ли их не было совсем.

В мире осталась одна жёлтая тоска. Смесь боли и безнадёжности. Яр никогда не думал, что может быть т а к а я тос-

ка.

Даже когда умерла мама, что-то светило впереди. Сквозь бешеное горе, сквозь режущее до крика отчаяние. Что-то оставалось в жизни. Хоть самую капельку. Потому что были друзья. Был Космос, о котором он мечтал. Была серьёзная ласковая девочка Галка, которая утешала его, как раньше в тяжёлые часы утешала мама...

Чтобы жить, человек должен любить. Кого-то или что-то. Яр любил. Сначала маму, а ещё Славку, Димку, Валерку, Юрика. Потом Галку. Галинку, Галину... Заранее любил будущего Юрку. Галина не смогла понять этой любви и понять, что такое Космос, тоже не смогла. Юрка так и не родился. Яр ушёл в бросок на Меркатор... Он продолжал любить: товарищей, тайны планет и Пространства. Потом наступило время, когда товарищи стали уходить один за другим. Тайны Космоса оказались не важнее того, что осталось на Земле. Но и то, что осталось, ушло в прошлое. Что ж, Яр продолжал любить прошлое. А когда понял, что этого мало, в рубке крейсера появился Игнатик.

Это началась вторая жизнь. Судьба дала волшебную ниточку, ниточка связала Яра с теми, кому он по-настоящему нужен.

Судьба (или сказка, или Космос, или собственная печаль Яра) подарила ему светлоглазого Игнатика, похожего на Юрку, о котором он когда-то мечтал...

Яр говорил неправду вчера у очага. О том, что скоро уй-

дёт. То есть он ушёл бы на крейсер, но не насовсем. Вернулся бы на Планету. Он сам тогда этого не понимал, а теперь знал.

Но какой смысл знать это т е п е р ь?

Зачем он ушёл из крепости? Сейчас Яру казалось счастьем остаться с ребятами до конца. Хоть до какого конца. Лишь бы вместе...

Никогда не будет этого "вместе". Ничего не будет.

Кроме жёлтой тоски.

Куда от неё уйти?

Яр ушёл бы, не медля ни секунды. В воду или головой о камни. Но он боялся. Не смерти. У него было смутное ощущение, что там, за гранью, где исчезает всё, желтая тоска останется...

Яр плыл, не думая куда и зачем. Он взял билет до какой-то Чайной Пристани, потому что при нём упомянули это название...

На низком левом берегу, за лугами и кустарниками, встал на фоне заката город. Силуэты острых колоколен, башен со сквозными окнами, высоких крыш, пологих арок и крутых мостиков между балконами.

Своим чётким рисунком город разбил сплошную желтизну. Так разбивает монотонную мелодию дождя посторонний звук: звон капель о донышко пустого ведра или чей-то неожиданный голос.

Яр удивился, что он ещё может замечать посторонние вещи. Думать о них. Зачем ему какой-то город? После того,

что случилось...

И всё же он смотрел. А город разрастался, словно кто-то разматывал чёрное кружево на подсвеченном тускло-жёлтом сатине...

Яр оторвался от поручней и поднялся в рулевую рубку – стеклянную будочку на верхней палубе. Капитан был здесь. Что-то тихо говорил бородатому рулевому. Оба посмеивались.

– Что это за город? – спросил Яр.

Капитан обернулся. В его очень светлых старческих глазах отражалась желтизна.

– Город?

Яр кивнул на левый берег.

– Да это, собственно, не город, – неохотно сказал капитан.

– А что же?

– Да в общем-то город... Но не совсем.

– Всё-таки что же там?

– Да вам-то что? – удивлённо проговорил капитан. – Вы же с другой стороны.

– Я вас не понимаю, – резко сказал Яр.

Капитан озадаченно потёр подбородок. Чуть наклонившись, он разглядывал Яра. Яр сказал:

– Я хочу здесь сойти. Это возможно?

– Здесь?

– Да.

Капитан совсем растерялся:

– Но вы ведь, кажется, из Орехова?

– Ну и что же?

– Но... тогда получится, что вы перешли реку.

– Я не знаю местных обычаев, – угрюмо бьяснил Яр. – Что случится, если я перейду реку? Это запрещено?

– Это, конечно, не запрещено... Пожалуйста. Но здесь нет пристани.

– Ладно, я доплыву...

– Нет, что вы! Я прикажу спустить лодку... Желание пассажира – закон. Только...

– Если это трудно, не надо, – сказал Яр.

– Это не трудно. Дело только вот в чём... Вы отвергаете предрассудки, вы, конечно, правы. Сам я тоже... Но, понимаете, матросы... Они все с высокого берега. Я не могу им приказать. То есть, разумеется, могу, но потом... Это ничего, если лодка не будет касаться земли и вы пройдёте немного по воде?

– Ничего, – сказал Яр. – Спасибо, капитан.

Через две минуты пароход уронил в жёлтую воду литой якорь. Течение медленно развернуло судно кормой к закату. С кормы спустили плоскодонку. В неё сошли два старых матроса, они поглядывали на Яра хмуро и нетерпеливо.

Яр кивнул капитану и прыгнул в лодку.

Матросы гребли молча. В полусотне шагов от берега началась отмель, весло подняло со дна песчинки.

– Хватит, друзья, – сказал Яр. – Спасибо, тут я добреду.

Матросы повеселели:

– Будьте здоровы... Счастливо вам. – И дружно погребли к пароходу.

По колено в тёплой воде Яр пошёл к берегу, выбрался на траву.

Тоска чуть-чуть ослабла. Правда, сильно болело сердце, но от этого было даже легче: боль отвлекала от мыслей.

Яр медленно зашагал через высокую траву. Листики и колоски липли к мокрым брюкам. Город приближался, вытягивая в небо чёрные башни и заслоняя жёлтый закат. Было тихо и безветренно. Но вдруг от реки прилетел ветерок, закрутил над верхушками травы маленькие спиральные вихри. Они побежали к городу впереди Яра.

2

Город начинался сразу, без привычной окраины с домиками и огородами. Высокие каменные дома с крутыми крышами вставали из травы и кустов. Яр ступил на гранитные плиты улицы.

Улица была пуста. И, видимо, весь город был пуст. Ни шагов, ни отдалённых голосов. Ни одного лица за стёклами и узорными решётками окон. Впрочем, несколько раз Яру показалось, что вдали мелькнули бесшумные фигуры. Но это могли быть просто вечерние тени.

Яр не удивлялся тишине и безлюдью. Ещё на пароходе

у него появилось ощущение, что в городе никого нет. Город казался таким же одиноким, как Яр. Но в этом одиночестве улиц, башен, старых домов не было горечи. Было только усталое спокойствие. И оно коснулось Яра.

Так бывает у мальчишки, когда во время большой беды, среди безудержных слёз наступает передышка. Мальчик умолкает, ощутив на себе чью-то ласковую руку, и вдруг замечает, что кругом тишина.

Яр шёл, не думая, куда идёт. Поворачивал с улицы на улицу. Огибал башни с полукруглыми амбразурами, проходил по чугунным узорчатым мостикам через заросшие овражки, в которых бормотала вода. В сумраке овражков мигали редкие жёлтые огоньки.

"Светлячки, что ли?" – подумал Яр. И поймал себя на том, что в нём шевельнулось чуть заметное любопытство. Полного равнодушия уже не было. И поменьше стало болеть сердце.

Яр пригляделся к домам. Их сложили из тёмно-розовых и серых камней. Камни были шероховатые, словно посыпанные крошкой. Среди них кое-где светлели мраморные блоки и плиты с буквами, знаками и барельефами. Буквы были незнакомые, знаки – непонятные. А на барельефах чаще всего встречался одномачтовый кораблик с кругло надутым парусом и длинным флагом.

Дома стояли вплотную друг к другу. Иногда над улицей были перекинuty крытые мостики с башенкой посредине.

На одной из башенок Яр увидел часы. Ржавые стрелки на чёрном циферблате показывали двадцать минут третьего – часы явно стояли. Над циферблатом сидела серая большая птица, похожая на спящего орла. Яр подумал, что это украшение. Но птица подняла голову, глянула с высоты ни Яра, махнула метровыми крыльями и шумно унеслась вдоль улицы. Она словно разбудила ветер. Вернее, стайку ветерков, которые пробежали над плитами тротуаров, над круглыми булыжниками мостовой, подняли спиральные столбики пыли.

Ветерок зацепил на стене изорванную бумагу. Видимо, это была старая афиша. Бумага моталась и шелестела. Яр увидел на серых лоскутах бледные буквы: КИ– НОФ... Потом ещё: "Если ты не..."

"Что н е?" – машинально подумал Яр.

Это было странно – афиша. Сколько времени она, даже очень старая, может провисеть на стене и не истлеть, не исчезнуть?

Значит, люди покинули город не очень давно?

А кажется, что целый век назад.

Впрочем, дома были целы. Яр не заметил развалин и большого запустения. Только в одном из переулков прямо посреди мостовой рос между булыжниками тополёк. У него от проснувшегося ветра хлопали друг о друга листья.

Яра обрадовало это живое лопотанье листьев... Хотя что значит обрадовало? Радоваться он не мог. Но почему-то показалось, что это хороший знак.

"Какой знак? Что может быть хорошего?" – тут же горько усмехнулся Яр. Но пошёл по переулку, где рос тополёк.

И вышел на большую площадь.

На другой стороне уступами поднимались зубчатые стены, а над ними узкие многоярусные башни – то ли сторожевые вышки, то ли колокольни монастыря. На площади стояли тонкие колонны. Целый лес. Наверху их смыкали между собой лёгкие пологие арки. Ряды этих арок уходили к дальним стенам. Под арками кое-где висели колокола. Разные: и совсем маленькие колокольчики, и великаны. Что это? Необычная монастырская звонница? Или громадный концертный зал, где на колоколах играли неизвестную теперь музыку?

Как непохоже это было на тот знакомый, почти родной Орехов, где Яр встретил ребят.

И всё же что-то смутно знакомое чудилось в городе. Может, память о давних играх или детских сказочно спутанных снах?

В небе давно исчезла желтизна, однако полные сумерки не наступали. Над городом висело яркое облако. Солнце из-за горизонта бросило в него красноватые лучи. и облако расцвело. Оно освещало город мягким рассеянным светом. Ласково розовели колонны и арки, на плиты площади словно осела светло-оранжевая пыль. Лишь бронза колоколов оставалась тёмно-зелёной и чёрной.

Яр пошёл по плитам, и ему не хотелось, чтобы площадь и

ряды колонн кончались. Идти бы так бесконечно – среди розоватого света и тишины, которые приглушили тоску, приглушили боль. Потому что если кончится этот путь – дальше что?

"Что?" – словно в стороне раздалось это щёлкающее слово.

"Что-что-что-что..."

Это были не слова. Это щелкали по камню лёгкие шаги. Справа, из тёмной густоты парковых деревьев, появился мальчик.

Яр остановился. Мальчик шагал легко и беззаботно. Несколько раз он оглянулся на деревья, словно ждал, что его догонят приятели. Яра мальчик не замечал.

Он прошёл совсем недалеко. Темноволосый щуплый мальчишка лет двенадцати. В клетчатой рубашке, с блестящим ранцем за плечами. Ранец подпрыгивал при каждом шаге. Будто мальчик, чем-то довольный, возвращался из школы.

Какая здесь школа, для кого? Да и время позднее, и каникулы...

Впрочем, кто знает...

Окликнуть? Сказать: "Послушай, я здесь один. Я не знаю, как быть. Помогите". Яр доверял мальчишкам больше, чем взрослым, он не постеснялся бы попросить о помощи.

Но о какой?

Мальчик вдруг остановился. Он стоял в двух десятках ша-

гов и теперь смотрел на Яра. Будто спрашивал: "Хочешь что-то сказать?"

Яру нечего было сказать.

Мальчик быстро улыбнулся, нашарил что-то в кармане (как Игнатик нашаривал свечку), сел на корточки и размашисто нарисовал на камне какой-то знак. Выпрямился, переливчато засмеялся и побежал, теряясь за колоннами. Рассыпались сухие щелчки подошв, а потом с края площади донесся звонкий оклик:

– Серёжка, ну скоро ты?!

И ещё чей-то отдалённый топот. И всё стихло.

Яр постоял и подошёл к рисунку на плите. Там был начерчен крест со стрелками на концах: указатель на четыре стороны. И ещё одна стрелка – из центра перекрестья в сторону.

Такой знак любил рисовать на асфальте Юрка.

3

Яське нравилось барабанить. Нравилось придумывать всякие боевые марши. Стучишь в барабан, а за тобой будто встаёт армия. Качаются султаны на киверах, полощут знамена, блестят вскинутые палаши. Как в старой книжке про Бородино.

Давно уже порвался и пропал игрушечный барабан. Яська успел закончить четвёртый класс, но игру свою не разлюбил. Когда в доме отключали газ и мама посылала Яську за керо-

сином, он выбирал дорогу подлиннее, переулки попустынное и шагал по ним, выбивая марши на донышке жестяного бидона.

И в тот раз он тоже маршировал вдоль косого забора, у которого росли подорожники и дикая ромашка. Он топал под марш "Атака голубых гренадеров". И на тропинку прямо перед Яськой прыгнул с забора мальчишка в полосатой майке. У мальчишки были непонятные продолговатые и широко сидящие глаза. Он смотрел серьезно.

Яська отступил и сказал:

– Ты чего?

Он не любил драться и не умел быстро знакомиться.

Мальчишка улыбнулся беззлобно, доверчиво.

– Я так... Я слышу, кто-то каждый день барабанит. И вчера, и позавчера...

– Потому что керосина третий день в лавке нет. Вот и хожу... – насупленно объяснил Яська.

– Ага... Я вчера в щёлку поглядел, тебя увидел. А сегодня ты опять идёшь...

Яська посопел. Он не знал, что сказать.

– Я тут живу, – мальчишка кивнул на забор. Здесь наш сад.

– А-а...

– Меня Юрка зовут. А тебя?

– Ярослав.

– Ух ты! – восхитился Юрка. – Какое княжеское имя.

Тогда Яська улыбнулся:

– Юрий ведь тоже княжеское...

Небо хмурилось, потянул серый ветерок, спиральный столбик пыли пронёсся по тропинке. Яська переступил – защекоotalо ноги.

Юрка сказал:

– Говорят, что если в такой маленький смерч бросить ножик, на нем капелька крови покажется.

– Ага, я слышал, – согласился Яська. – Только это не смерч, а вихорёк... Ты кидал ножик?

– Не... – вздохнул Юрка.

– Я тоже.

– Потому что жалко, да?

Яська смущённо кивнул:

– Вдруг правда кровь будет. Тогда, значит, они живые...

Прогремело за крышами.

Юрка поглядел вверх.

– Скоро польёт... Пошли ко мне, переждём...

Дома у него на большом столе был город. Из бумаги, из картона, из пенопласта. Сказочный город, где перепутались старинные замки и телевышки, терема и небоскрёбы ростом с карандаш. Была маленькая железная дорога и морской залив из голубой бумаги, застеленной мягким целлофаном. И кораблики в порту.

Потом Яська и Юрий часто играли вместе у этого города...

И вообще они часто играли вместе. Юрий прибежал к Ясь-

ке во двор и скоро стал полноправным обитателем голубятни.

В конце лета, вечером, была игра в сыщики-разбойники. Яська и Юрик убегали от Димки, Валерки и Славика. И ещё от большой компании соседских, ребят. Юрик рисовал на асфальте знаки-указатели: четыре стрелы на четыре стороны света. Можно было такой знак и оставить: ищи, где хочешь. Но Юрик всегда играл честно. Он пририсовывал пятую стрелку: она смотрела в ту сторону, куда они с Яськой скрывались.

Стрелка не помогла тем, кто их догонял. "Сыщики" отстали. Яська с Юриком отсиделись в акациях циркового сквера, вышли на улицу. Было пусто. В конце улицы закат разукрасил узкие облака.

– Пойдём посмотрим город, – шёпотом предложил Юрик.

Яська удивился: не видал он, что ли, города? Только сегодня клеили новый дом с часами на башне!

– Да нет, не тот город, – чуть виновато улыбнулся Юрик. – Знаешь, бывает такая штука... Я сам не знаю, почему. Когда вот такой закат, надо забраться на старую водокачку, и с неё видно, будто незнакомый город появляется на горизонте. Башни всякие, стены, крыши... Далеко-далеко...

Яська понял, что Юрик делится своей тайной. И очень захотелось тоже увидеть дальний непонятный город.

– Давай. Только не пойдём к водокачке по Южной. Лучше мимо кино.

– Почему? – удивился Юрик.

– Ну... – Яська замялся. Но Юрик доверил ему свою тайну, и Яська не стал скрывать свою, хотя и неприятную:

– Там магазин "Спортовары"... а в витрине этот... ну, дурак такой, манекен в альпинистском костюме. Я его не люблю. У него рожа такая... Улыбается, а глаза злющие. Будто всё время следит... Я его зову Наблюдатель. Будто он шпион какой-то.

– А, знаю, – сказал Юрик.

– Я как мимо него пройду, так какая-нибудь неприятность делается, – вздохнул Яська. – Вчера, вот гляди, локоть ободрал. Запнулся, да ка-ак брякнусь, а он, гад, смеётся... А весной прошёл рядом с витриной, и мама заболела... И ещё всякое было...

Юрик серьёзно кивнул:

– Я понимаю. Только этого типа уже нет в витрине.

– Как? – радостно подскочил Яська.

– Его сегодня убрали, я сам видел... – Юрик хихикнул. – Совсем голого... И знаешь что? У него в груди почему-то дыра. Вот такая. Будто прострелили ядром.

– Тогда пошли! – с облегчением сказал Яська.

Но они не ушли далеко. Встретилась мама Юрика. Она была то ли встревожена, то ли очень опечалена.

– Юра, домой... Ясик, ты извини, у нас важное дело.

Яська растерянно остался на тротуаре. Юрик (он сам ничего не понимал) слабо помахал рукой: до завтра.

Но завтра Юрика не было. Он уехал с матерью накануне вечером, уехал насовсем и – неизвестно куда. Потому что случилась беда: от них ушёл отец. Яська узнал это через несколько дней.

Своего отца Яська не помнил. Ему хватало мамы. Но, значит, это очень большое горе, когда уходит отец. Такое, что люди от него уезжают на край земли и даже некогда проститься с другом...

И маленький Яська поклялся на веки веков, что если он вырастет большой и у него будет сын, он никогда-никогда не бросит сына.

А знаки со стрелками, которые в тот вечер нарисовал Юрик, целую неделю ещё белели на асфальте. Пока не пошли дожди.

4

Яр постоял над знаком, который начертил незнакомый мальчик. Едва ли он для Яра его нарисовал. Наверно, просто играл... Яр повёл медленным взглядом, куда показывала, вырываясь из креста, пятая стрелка.

А куда она показывала? Просто на левый край площади, где громоздились тёмные дома. В одном месте они были раздвинуты щелью переулка. Яр пошёл к этому переулку.

Он начал смутно надеяться на что-то. На что, не мог понять: той беде, что случилась вчера, помочь было невозмож-

но. И всё же он шагал с ожиданием какой-то перемены.

Облако над городом погасло. На площади стало сумрачно, а в зажатом высокими домами переулке оказалось совсем темно. И тепло: ещё не остыли нагретые дневными лучами камни.

Где-то опять простучали быстрые шаги. Что-то крикнул в отдалении звонкий голос. И вдруг Яр увидел, как над головой, на верхних этажах неярко зажглись окошки. Их было немного – три или четыре на весь переулок.

"Всё-таки кто-то живёт здесь", – подумал Яр. Свет в окнах казался спокойным и ласковым.

Впрочем, скоро окна скрылись из вида. Переулок вильнул и вывел Яра в совершенно тёмную улицу. Вернее, в прямой проход между глухих стен. Стены были неровные, с выступами и каменными подпорками. Кое-где на них смутно белели выложенные из плиток узоры и неясные буквы. Но не было ни одного окна.

Дорога между стенами поросла травой. В траве очень громко трещал ночной кузнечик.

Стены были высокие. Небо, ещё не совсем погасшее, висело над Яром неширокой синевато-серой полосой. Эта полоса в конце улицы делалась очень узкой. Там в небо врезался тонкий силуэт башни. Верхушка её была похожа на шахматную фигуру.

Впереди засветился крошечный жёлтый квадратик. Яр, сам не зная отчего, ускорил шаги. Кузнечик в траве надры-

вался от треска. Чёрная башня вырастала над Яром, уходила точёной вершиной в высоту.

Улица упиралась в основание башни. Это здесь и горело оконце. Метрах в трёх от земли. Под ним Яр, приглядевшись, различил дверь. Не старинную, а простую, как в комнате обычной квартиры. Яр не колебался. Нашупал ручку и потянул.

Он увидел...

А что он увидел? Ничего особенного. Пустую комнату с цементным полом и грязными исцарапанными стенами. Под потолком горела мутная лампочка. У стены валялись разломанные ящики и бочонок. Вот и всё.

Яр ощутил, как возвращается к нему прежняя тоска. Он беспомощно и всё же с остатками надежды осмотрелся. За грудой ящиков была, кажется, ещё дверь. Он торопливо шагнул туда. Правильно, дверь. Даже две. Грязные, в чешуе облупившейся краски... А это что? Что это?!

В узком простенке, зацепившись лапкой за ржавый крюк, висел бормотунчик.

Конечно, это был другой бормотунчик. Не из платка, а из полинялой трикотажной тряпицы (скорее всего, из обрывка мальчишечьей майки). И лицо его нарисовано не сажей, а мелом. Но выражение улыбчивой рожицы было таким знакомым...

Яр замер. Он понимал, что бормотунчиков умеют делать многие мальчишки на Планете и что этот, забытый и разря-

дившийся, висит здесь в запустении с давних времён. И всё-таки...

Бормотунчик вдруг шевельнулся. Уцепился за крюк второй ручкой, покачался. Спросил голосом капризной куклы:

– Ты зачем пришёл? Слушать? Хочешь правдивую, красивую, прекрасную сказку про ветерков?

– Кто тебя сделал? – шёпотом спросил Яр.

Бормотунчик нервно дёрнулся:

– Ты спрашиваешь? Это вопрос? Я могу ответить лишь на один вопрос! Потом кристаллы разрядятся.

– Нет-нет, – испуганно сказал Яр. – Не отвечай. Я задам другой вопрос.

– Поскор-рей, – недовольно потребовал бормотунчик.

Яр знал, о чём спросить: "Скажи, как вернуться на крейсер". Надо вернуться. Здесь нечего делать. Никого ждать, не на что надеяться. А очнувшись у пульта, Яр сможет вспомнить Планету и ребят как сон. Светлый и страшный. Он убедит себя, что это т о л ь к о с о н. Ничем другим это и не может быть.

И жёлтая тоска больше не тронет Яра.

"Тронет, – сказал вечный спорщик, который сидит внутри каждого из нас. – Потому что не сон это. И от себя не убежишь".

"Но что мне делать здесь?"

"А что делать т а м?"

Яр, понурившись, рассматривал замызганный цементный

пол.

"Тебя позвали с ю д а", – настойчиво толкнулась мысль.

"Но тех, кто позвал, теперь нет!"

"Зато есть надежда..."

"Какая?" – горько усмехнулся Яр. Он удивлялся, что эта надежда – слабенькая, беспомощно-детская – нет-нет да и шевелилась в нём. Будто может произойти неожиданное. Такое, что ослабит беду и как-то утешит Яра.

Что могло ослабить, как утешить? И на кой чёрт утешение?

Был нарушен какой-то закон, детство не повторяется, поэтому всё кончилось так страшно...

– Ты скоро? – нетерпеливо дёрнулся бормотунчик.

– Сейчас, сейчас, – прошептал Яр.

А что "сейчас"?

И он беспомощно проговорил:

– Ну скажи, что мне делать?..

Бормотунчик закачался. Хихикнул.

– Ты хитрый. Ты решил задать сто вопросов в одном...

Хо-ро-шо!.. Хочешь вернуться – иди в правую дверь. Хочешь чего-то другого – иди в левую...

– Чего другою? – вырвалось у Яра.

– А того, что... – Бормотунчик вдруг пискнул и беспомощно повис. Успел выдать угасающим голосом: – Дурак ты...

– Прости, я не хотел, – с испугом сказал Яр.

Бормогунчик висел тряпичным кульком.

"Прости", – ещё раз подумал Яр.

Перед ним были две двери. Боясь раздумывать, Яр ухватился за ручку левой.

Рванул.

За дверью была почти такая же комната. Лишь поменьше и почище. На дощатом столе валялся на боку большой продырявленный барабан и горела, оплывая, очень толстая свеча.

В углу на драном тюфяке спал Игнатик.

Глава четвертая

ИГНАТИК

1

Белый домик стоял на мысу, над спокойным зеленоватым заливом. Каменный, широко застеклённый, с плоской крышей и решётчатой башенкой маяка. В домике находилась диспетчерская служба порта.

Порт был крошечный. Его деревянные причалы прятались в бухточке за мысом. Большие суда к ним не совались. Торчал здесь голубой катер береговой охраны, да отстаивались днём крутобокие мотоботы рыбацких артелей. Перед закатом они уходили на ночной лов. Диспетчерская главным образом и работала для промысловых экипажей.

К домику примыкал неказистый павильон с пышной чёрно-золотой вывеской:

Бар

У НЕПТУНА ЗА ПАЗУХОЙ

Здесь был постоянный приют не занятых ловом рыбаков и свободных от дежурства диспетчеров.

Яр зашёл к "Нептуну", когда солнце уже катилось к морю и делалось оранжевым.

Бармен Чёрный Яков, маленький, похожий на подростка, но с морщинистым личиком, обрадовался:

– Яр! Давно не заходил! Кружечку, а?

– Табаку, Яков. Пачку "Субмарины".

– Пачку "Субмарины" и кружечку. А?

– Мне через час на вахту.

– Кружечка холодного "Бомбардира" перед вахтой – самое дело, – уверенно сказал Яков.

Яр засмеялся:

– Ну, давай.

Кружка была из мятой тонкой жести, пиво сквозь неё холодило ладони. Яр оглянулся. У больших бочек, заменявших столы, было почти пусто. "Вот и хорошо", – с облегчением подумал Яр. Но тут же его окликнули:

– Эй, Яр! К нам иди...

У окна с частым переплётом "ошвартовались" двое: болтливый маячный мастер с длинным прозвищем Пауль Верхняя Душа и механик с мотобота "Креветка" Захар Лира. Захар был молодой, слегка ленивый, с широким бабьим лицом. В отличие от многих, нелюбопытный. У него в доме Яр снимал для себя комнатку.

Разговаривать не хотелось, но обычай требовал: зовут – подходи. Нарушать поселковые обычаи Яр остерегался.

Пауль Верхняя Душа суетливо подвинул ящик из-под кон-

сервов.

– Ты садись, садись, Яр, садись с нами. А то, гляжу, всё один да один. Сумрачный что-то. Служба, что ли, не ладится?

– Служба нехитрая, – обронил Яр и спрятал за кружкой лицо.

– А чего же тогда? А?

– Не копай ты чужую душу, Пауль, – с зевком сказал Захар. – Мало ли что у человека. Мы вот в одном доме живём, я и то не копаю.

– А чего и не копнуть? – не согласился Пауль. – Иногда копнёшь, а человек выскажется, и бывает ему облегчение...

– Да всё у меня нормально, – сказал Яр. – Ты, дядя Пауль, покопался бы лучше в своём фонаре. А то в пятницу с какого-то сейнера запрашивают: "У вас что за маяк? Мыс Грива или Белый Бык?" "Грива, – говорю, – вы что там, перепились все до полного побеления? Бык на семьдесят миль южнее". "А какого же растакого дьявола, – кричат, – у него зелёные проблески через пять секунд, как на Бычьей мигалке, а не через две, как про вас в лоции написано?" И открытым текстом как выдадут про наш маяк всё, что думают...

– Ну, этот факт особый, критика эта в чём-то правильная, – слегка обиделся Пауль Верхняя Душа. – Только я вижу так, что про маяк ты заговорил, чтобы разговор увести от себя. Дело, конечно, совершенно твоё. А мне просто в душе больно смотреть, если кто ходит понурый... Сперва ты вон

какой бойкий был, да всё не один, а с мальчонкой. Чего его не видать-то, приёмыша твоего?

– Какой же он приёмыш? Он с родной тёткой живёт.

– Тётка тёткой, да и не родная она, а бес её знает какая. А за тобой-то он, бывало, как пришитый ходил...

"Да замолчи ты, дубина", – тоскливо подумал Яр.

И сказал:

– У него свои дела, мальчишечьи...

– Свои-то свои... Он, конечно, парнишка вроде смыслённый. И вежливый такой, только от нашей ребятни всё в сторонке держится. Со взрослыми нормально, а мальчишек здешних боится, что ли. Мне с башни всё видно...

– Не привык ещё, – сказал Яр. – По старым друзьям тоскует. Я же говорил, у него друзья погибли в обвале...

Пауль повздыхал, закивал, хотел опять заговорить, но язык у него стал потяжелее: во время беседы они с Захаром пропустили по паре кружек.

– Пора... – Яр поднялся.

В баре прибавилось посетителей. У двух бочек устроились компании по три человека. Дымили трубками. Оранжевое солнце пробивало зеленоватые клубы дыма, которые поднимались к потолку – к запылившимся моделям парусников и стеклянным шарам, оплётённым сизалевыми сетками. Шары – это были полавки от сетей. Ещё недавно такой поплавок Яр подарил Игнатику...

Яр резко шагнул к выходу. Чёрный Яков закричал из-за

стойки:

– Яр! Что же ты, а? После одной кружки не уходят! А, Яр?

– На вахту же...

Но тут его заметили другие.

– Яр! Подсаживайся!

– Давай, давай, Яр! Четверо – не пятеро, садись к нам...

– Не могу, ребята, надо Стефана менять. Время.

– Ну, что Стефан? – сказал со своего места Пауль. – Стефан молодой, подежурит ещё часок. Я вот пойду и скажу: "Ты, Стефан, подожди. Яр не часто с нами сидит, пускай побудет у Якова, а ты ещё подежурь маленько..." Дай мне, Яков, кружку, я отнесу Стефану.

"Ну и пусть", – устало подумал Яр. Стефан и в самом деле мог подождать, нравы здесь были простые.

Яр подошёл к бочке, за которой тянул пиво диспетчер Феликс. Он Яру нравился. Молодой ещё, но кряжистый, русо-бородый, по-стариковски спокойный. На первый взгляд он казался даже мрачным. Но глаза были ласковые и какие-то беззащитные. Кроме Феликса сидели тут механик поселкового кинотеатра Дымок – совсем мальчишка – и старый мастер канатного дела Антон Хвост, такой же разговорчивый, как Пауль Верхняя Душа.

Феликс улыбнулся. Дымок солидно крякнул и сделал глоток, а старый Антон заговорил:

– Садись, Яр, садись... Яша, ты нам принеси!.. Я вот смотрю, Яр, ты у нас целый месяц, а к здешней жизни всё не при-

способился. Будто из другого мяса ты...

– Я человек с той стороны, – вздохнул Яр.

– Та сторона, эта сторона – предрассудки собачьи, – басовито сказал Дымок.

– Может, и предрассудки. Только откуда они взялись, вот вопрос, – осторожно проговорил Яр.

Феликс отвёл глаза и подавил улыбку. Старый Антон нелепо развеселился:

– Вопрос – это хорошо! Любопытному человеку интереснее живётся. Ты давай вопросы-то, мы, может, все тут и разберёмся!

– Хорошо. Что такое нашествие? – неожиданно для себя громко сказал Яр.

В баре замолчали. Потом кто-то мелко засмеялся.

Дымок солидно проговорил:

– Чушь это. Никаких нашествий не бывает.

– Бывают, – сказал Яр.

– Это шмели-то? – отозвался старый Антон. – Ну да, ну я знаю. На той стороне... А что шмели? У нас сроду не было...

– Это не просто шмели, – разозлившись, сказал Яр.

Феликс поцарапал бороду. Он был изрядно под хмельком, но сейчас посмотрел трезво.

– Яр, когда вулкан или цунами... вот, как на Жёлтых Камнях, например... никто же не спрашивает – что такое? Природа...

– Довели матушку-Планету, вот она и плюётся, – Сказали

у соседней бочки.— И нечего тут искать других объяснений...

— Кто довёл? — спросил Яр.

Старый Антон захихикал. Дымок, важно улыбаясь, курил. Феликс ласково проговорил:

— Яр, ты как с другой планеты, честное слово...

— Я и так с другой планеты, — ничем не рискуя, сказал Яр.

Старый Антон засмеялся, закашлялся, хлопнул по спине. Дымка так, что у того вылетела трубка.

— Дым, пошли за пивом. Яков там уснул, не несёт...

Дымок важно поднял трубку, и они с Антоном двинулись к стойке.

Феликс царапал мундштуком латунный обруч бочки.

— Яр, ты хороший парень... Жаль, ты у нас не удержишься.

— Почему не задержусь?

— Ты сам знаешь. Тебе не это надо... Вопросы у тебя...

— А что, здесь не любят тех, кто спрашивает?

Феликс улыбнулся:

— Не здесь... Яр, ты совсем ничего не боишься?

"Боюсь потерять Игнатика", — подумал Яр, но это никого не касалось.

— Я пока не знаю, чего надо бояться...

— Ну и правильно! — вдруг пьяно сказал Феликс и грохнул кулаком по бочке. — Так и надо!.. Яша! Поставь, милый! Слышишь? Поставь ту пластинку! Один-то раз. Для Яра...

Шум в баре поутих. Яр оглянулся на стойку. Яков улыбался. Улыбка – беззубая щель на чёрном обезьяньем лице. С полки, из-за пёстрых бутылок, он достал плоский пакет, вынул пластинку, подул на неё. Положил на диск проигрывателя...

Стало совсем тихо. Солнце окуналось в море, стеклянные поплавки у потолка уже не блестели, но лампы ещё не зажглись. Скрытый за моделью галиона динамик зашипел. Потом ударил тяжёлый аккорд гитарных струн, пошла медленная мелодия.

И глуховатый мужской голос запел:

Когда мы спрячем за пазухи
Ветрами избитые флаги
И молча сожжём у берега
Последние корабли,
Наш маленький барабанщик
Уйдёт за вечерним солнцем
И тонкой блестящей льдинкой
Растает в жёлтой дали.

Это пел явно не артист. Но пел хорошо, по-настоящему. Со скрученной печалью и нарастающей жёсткостью. Яр вспомнил песчаный обрыв у крепости...

От горького пепелища,
От брошенных переулков,

Где бьют дожди монотонно
По крышам, как по гробам,
От злой измены, что рыщет
В домах опустелых и гулких.
Наш маленький барабанщик
Уйдёт, не сдав барабан...

Издалека, сначала незаметно, вошел, вплёлся в песню голос мальчишки (у Яра сжало горло).

Но есть утешенье – как будто
Последний патрон в обойме, —
Последняя горькая радость,
Что каждый из нас был прав.
И вот потому над Планетой
Шагает наш барабанщик —
Идёт он, прямой и тонкий,
Касаясь вершушек трав...

Кончилась песня, прошли секунды тишины. Потом загорелись лампы – будто свет в кинозале после окончания фильма.

У бочек задвигались, закашляли. Кто-то сказал:

– Да-а... Гордые были мальчики.

– Ну а что с того, что гордые? Сгорели, а толку...

– Не накликать бы чего... Ты, Яков, тоже... смотри...

– Да что мы, не люди, что ли? – громко спросил Феликс.

Вернулся Пауль Верхняя Душа.

– Ну вот, я сказал Стефану. Ты, Яр, не волнуйся, он подежурит, сколько надо. Мы с ним там посидели, он говорит: конечно, пускай Яр погуляет, если охота, а я, говорит, побуду за него, а потом он за меня, дело такое...

– Что это за песня была? – спросил Яр у Феликса.

– А вот, – опять хмелея, отозвался Феликс. – Это про тех ребят, которые тогда поднялись в Морском лицее, в городе... Дело давнее, а песня осталась.

– Как поднялись? Против кого?

– Против кого... Знать бы... Не хотим, мол, и всё. Карабины порасхватили с учебными патронами. А зачем эти хлопушки, если пожар. Это тебе не шмели...

Феликс макнул бороду в кружку.

– А в каком городе? – спросил Яр. – У реки?

– Ну, я же говорю: в Городе. Он один тут, Город...

– Феликс, а почему он пустой?

– Никто не живёт, вот и пустой. Вроде музей, заповедник...

– А почему не живут?

– Не хотят – и не живут. Ты сам попробуй в пустом-то городе...

"Чёрт, – беспомощно подумал Яр. – Хоть бы одного человека найти, который скажет..."

– Я видел там людей, – резко бросил он. – Врёте вы все тут. Люди там живут и ничего не боятся. Весёлые люди.

– Сколько их – весёлых – там? – совершенно трезво ска-

зал Феликс.— Это те, кто смог... А если разобраться, какой смысл?

"Ни в чём нет смысла", — подумал Яр.

— Ладно, ребята, пора Стефана менять.

— Да подождёт он, Стефан-то, — заговорили с трёх сторон. — Ты, Яр, об этом не думай, ты к нашей компании при-
выкай. Вот и народу прибывает, посидим, споём наши ры-
бацкие... А вопросы, ну их, Яр, к чёрту...

В баре и правда становилосьлюдно. За окнами темнело, но ещё видна была дорога от посёлка к мысу. Вверх по дороге тянулись завсегдатаи "Нептуна".

Появился высокий мужчина с бородкой-эспаньолкой и в круглых конторских очках, которые к его бородке совершенно не подходили. Это был начальник местной береговой охраны по прозвищу Шериф.

— Иду, слышу, музыка тут играет, — сказал он Якову. Яков засуетился, раскрутил шипучий пивной кран.

— Старую пластинку играем, — заговорил мастер Антон. — Садись, Шериф, вон к Захару, их трое. Мы для Яра тут пластинку играли, такое вот дело.

— Яр, привет, — Шериф протянул руку. — Ты как-то говорил, что хочешь своего мальчонку на катере покатать. Завтра идём в Новый Свет браконьеров гонять. Пойдёте с нами?

— Завтра я на вахте до вечера, — вздохнул Яр.

— Ну, тогда на той неделе... Пауль, сто гарпунов тебе в верхнюю и нижнюю душу! Почему твоя коптилка на башне

опять мигает вразнобой, как пьяная курица? Я вот составлю донесение...

Пауль поперхнулся и засеменил к выходу. Там он столкнулся с краснощёкой крупной женщиной. Она заговорила с порога:

– Рыболовы! Мужичка моего здесь нету? Говорит, в рейс пошёл, а сам небось встал тут на прикол да наливает цистерны?

Посыпались шуточки. Смысл их сводился к тому, что "мужичка" здесь нет и что он в самом деле пошёл в рейс, но не за рыбой, а к какой-нибудь красотке.

– А и пусть провалится совсем, – говорила женщина и шагала среди бочек. – Мне от него чего надо-то? Ключ от погреба с собой унёс, пустая бутылка, а в погребе у меня банки для черешни. Будем теперь с Игнашкой замок сбивать... Яков, дай-ка спичек да полдюжины свечей, в погребе-то хоть глаз выколи... А, Яр! Здравствуйте, Яр!

Это была тётка Игнатика. Яр встал. Она подошла.

– Что-то не заходите к нам...

– Зайду. Работы много. Дело новое, вникаю... А Игнатик почему перестал ко мне забегать?

– Я и сама удивляюсь. Всё на чердаке сидит. То змея клеит, то вертушки ветряные делает. Я говорю: "Ну, с ребятами не играешь – дело твоё, а почему к дяде Яру ходить перестал? Он с тобой смотри как по-хорошему, на лодке катал, лук со стрелами сделал, курточку вон какую подарил, а ты..."

– А он? – тихо спросил Яр.

– А он чего?.. "Зайду, – говорит, – обязательно. Вот доделаю, – говорит, – эту штуку и пойду..." А глаза вниз глядят. Может, провинился перед вами?

– Да нет, что вы, – сказал Яр.

Вместе с тёткой Игнатика он пошел к выходу. ("Яр, да пождёт Стефан-то!" – кричали вслед.)

Вечер был тёплый, начинали трескотню ночные кузнечики.

Тётка вдруг вздохнула и призналась:

– Боюсь за Игнашку я. Нездешний он какой-то. Не в том дело, что с другой стороны, а вообще... Сегодня стали свечки искать, чтобы в погреб лезть, нашли огарок, а он его взял и смотрит, смотрит. Потом я гляжу, а глаза у него мокрые... Вы бы поговорили, Яр, узнали, что с ним такое делается.

– Я бы поговорил, – с горечью сказал Яр. – Но он же не приходит...

– Он придёт. Я накажу, чтобы завтра же...

– Пусть придёт... Ну, скажите ему, что я соскучился, – беспомощно попросил Яр.

2

В тот вечер, когда Яр нашёл Игнатика, они остались в комнате со столом и свечой. Никуда не пошли. Ни о чём не говорили. Игнатик вздрогнул и открыл глаза, едва Яр наклонился.

нился над ним; коротко вздохнул, вцепился в Яра, прижался лицом к его пиджаку. И так они сидели долго-долго. И наконец Игнатик уснул. Яр положил его на тюфяк и уснул рядом. И последнее, что он помнил, был толчок страха: не приснился ли Игнатик?

С таким же страхом он проснулся.

Свеча догорела, пахло растопленным стеарином. В окне бил утренний луч.

Игнатик сидел над Яром на корточках: грязный, босой, похудевший, в порванной рубашке, с чёрными царапинами на лбу и на ногах. Улыбался осторожно и печально.

Яр со странной, закаменевшей радостью придвинул Игнатика к себе. Шёпотом спросил:

– Как ты уцелел?

Игнатик шмыгнул носом, потёрся щекой о рукав Яра.

– Я не знаю... Бормотунчик сорвался с проволоки, заковылял под лестницу, а я за ним побежал. Думаю, куда это он? А там щель... Большая щель, вроде как ход какой-то. Он туда, я тоже туда. Потом всё задвигалось, сверху что-то навалилось... Яр, я сразу понял, что крепость поползла! Думал, что всё. Тут меня, кажется, щебнем завалило... Ну, я раскопался кое-как, а там такой длинный-длинный каменный коридор. Назад хода не было, я пошёл по коридору...

– А потом?

– Я шёл, шёл... Будто сто лет. Яр, это, наверно, ход под рекой. Я утром выбрался, а мне люди говорят: "Ты с той сто-

роны?" Я говорю: "Не знаю". Они говорят: "Если с той стороны, садись на поезд, он идет до станции Мост. А там вернёшься к себе..." Два дяденьки и женщина, добрые такие, дали хлеба, посадили в вагон...

– А что за станция? Она здесь?

– Да не здесь... Я в вагоне спрашиваю: "Скоро станция Мост?" А все на меня смотрят, как на ненормального. Потом говорят: "Это же в другую сторону..." Я тогда сошёл на полустанке, чтобы на обратный поезд пересестъ. А поездов нет и нет. Я пошёл к реке. Думаю: переплыву как-нибудь. Если под землёй прошёл, почему нельзя обратно переплыть? А потом смотрю – вот этот город...

– Пустой... – сказал Яр.

Игнатик кивнул:

– Ага... Только не совсем пустой. Я так умаялся, лёг как траву у фонтана и заснул. А меня кто-то поднял и понёс. Я даже проснуться как следует не мог... Потом проснулся уже здесь. Смотрю: на столе хлеб и кружка с водой. Я поел и опять заснул... Яр, я даже не думал, что ты меня так скоро найдёшь... Яр, а ребята? Они живые?.. Яр! Ну ты чего молчишь?

Игнатик заглянул Яру в лицо и заплакал.

Через час они ушли из города, который солнечным утром казался ещё более пустым, чем в сумерках. Съели огрызок хлебной корки, который лежал на столе, умылись у фонтана,

булькавшего одинокой струйкой, и ушли.

Игнатик сказал, что у моря, километрах в сорока от города, есть рыбачий посёлок и там живёт его тётка. Правда, незнакомая, он про неё только слышал, а никогда не видел, потому что жили на разных сторонах. Но всё-таки тётка.

– А почему, если на разных сторонах, то нельзя видеться? – спросил Яр. – Почему запрещено переходить реку?

– Да нисколько не запрещено, – отозвался Игнатик. – Просто считается, что это принесёт беду... Да теперь уже всё равно.

Игнатик больше не плакал, он стал сумрачно-деловитым. Уже за городом, когда шли на север по высокой луговой траве, он сказал:

– Поживём в посёлке, а там решим, что делать. В Орехов нам возвращаться ни к чему...

– Тик... Если мы не вернёмся, кто расскажет родителям Альки, Данки и Читы про всё, что было?

– Я напишу письмо из посёлка, – хмуро сказал Игнатик. – Читаным папе и маме. Они-то уж точно уцелели, они были за городом. А остальные – кто знает...

– Письмо дойдёт?

– Письмо-то дойдёт... Яр, ты сможешь быть рыбаком?

– Не пробовал, Тик... А зачем?

– Яр... Голубятня же сгорела. Я не знаю, как ты теперь обратно...

– Ничего, малыш, как-нибудь, – сказал Яр.

– Ты на меня не сердись очень сильно...

– За что сердиться-то? Наоборот, спасибо тебе.

– За что?

"За то, что ты есть", – подумал Яр. И сказал:

– За то, что нашёлся.

– Я один нашёлся, – прошептал Игнатик. – Вот если бы были ребята... Можно было бы даже построить новую голу-бятню... А сейчас...

Потом они долго шли молча, потому что думали о Данке, Альке и Чите.

В середине дня они пришли к чистой речке с заросшими тальником берегами. Напились холодной воды. Потом Игнатик странно замер, плюхнулся животом в воду, забарахтался. Яр кинулся, схватил его за рубашку, поднял. Игнатик прижимал к животу длинную рыбину. Он бросил её далеко на берег. Рыбина попрыгала в траве и уснула.

– Вот ты как раз и есть рыбак, – сказал Яр.

– Я случайно, – вздохнул Игнатик. – Сам не ожидал.

– А как будем есть? Сырую?

– Испечём.

– А чем огонь разведём? Свечки-то нет...

Игнатик глянул потемневшими глазами: "А если бы и была? Нас же не пятеро..." "Ох и дурак я", – сказал себе Яр.

Игнатик шарил в карманах мятых шортиков.

– У меня, кажется, стёклышко есть. Вот... – Он вытащил

маленькую линзу. — Это мы с Читой телескоп делали...

Они набрали сухой травы, наломали в кустах веток. Разложили небольшой, но жаркий костёр, а потом в углях испекли рыбу. Съели её несолёную, пахнувшую водорослями.

— Давай отдохнём, — попросил Игнатик. Он сбил ноги. Сандалии он потерял при обвале, а ходить так много босиком не привык.

Они легли под кустом и уснули до вечера.

Когда проснулись. Яр спросил:

— Будем здесь ночевать или двинемся в путь на ночь глядя?

— Пойдём, — сказал Игнатик. — Мы же выспались.

Но скоро Игнатик стал опять спотыкаться. К тому же он вздрагивал: над лугами поднимался влажный туман, сумерки были зябкие.

Яр закутал Игнатика в пиджак и взял на руки.

— Ну вот, как маленького, — пробубнил Игнатик, но больше не спорил.

Яр зашагал через высокую траву по плечи в тумане.

На пути поднялись невысокие холмы. Яр взошёл на плоскую вершину. Совсем стемнело. И Яр впервые взглянул на звёздное небо Планеты.

— Смотри Тик, — сказал он с неожиданной радостью. — Те же созвездия, что у нас!

Игнатик шевельнулся и осторожно спросил:

— Ты очень скучаешь по своей Земле?

– Я?.. Знаешь, Тик, мне кажется, здесь та же Земля... "И здесь у меня есть ты", – добавил он про себя.

– Яр, – тихо сказал Игнатик и часто задышал у щеки Яра. – Мы с тобой теперь одни на свете. Ты и я.

– А тётки твои? – помолчав, спросил Яр.

– Ну что тётки! Та, у которой жил, она нисколько меня не обижала, но... я ей что есть, что нет. А эту я не знаю... Яр...

– Что, Тик?

– Если вдруг получится, что ты сможешь уйти... Ну, туда, к себе... Яр, тогда хотя бы...

– Я никуда не уйду. По крайней мере, без тебя не уйду, – будто ставя точку, сказал Яр.

Игнатик вздохнул, повозился и спросил:

– Ты не устал нести меня?

– Нет, – сказал Яр и стал спускаться с холма.

К утру они пришли в посёлок. Расспросили словоохотливых жителей и разыскали дом тётки. Тётка, едва услышав, что это Игнатик, запричитала, начала кормить его и Яра. Потом отмыла Игнатика в большущей деревянной бочке, а Яр в это время рассказал про нашествие и про то, как они с Тиком здесь оказались.

Всё рассказал. Кроме одного: кто он и откуда. Объяснил, что работал радиомастером, жил по соседству с Игнатином, ходил иногда с ребяташками на прогулки. Пошёл и на этот раз, и вот...

— Беда-то какая!.. — ахала тётка чересчур громко, но, видимо, искренне. — Надо же, какое дело стряслось... Да и вправду говорят, что на том берегу всё не так... Вам теперь туда ни к чему возвращаться, если вы человек одинокий. Что вам в разорённом-то городе? Если вы радиомастер, то идите в диспетчеры, у нас в посёлке понимающих людей ох как ценят...

И Яр пошел в диспетчеры. Страховая квитанция с именем Я. Охты вполне заменила удостоверение личности. Главное, что человек знает аппаратуру. Через два дня Яр заступил на первое дежурство.

Он стал жить, как все. Стал курить трубку, заглядывать в бар, вести разговоры об уловах и авариях. Надолго ли такая жизнь, он не знал. Надо было выждать и разобраться. Надо было многое понять. И узнать. Прежде всего о Планете: почему она похожа на пустынный заросший двор, хозяева которого то ли состарились, то ли махнули на всё рукой? Почему боятся числа "пять"? Что за рубеж положила между людьми река? Какие на Планете города и страны, как живут в них люди и чего хотят?

Он спрашивал иногда, но ответы были неясны или насмешливы. А спрашивать настойчиво и часто Яр не решался. Он и так был человеком "с той стороны".

Когда дежурств не было, они с Игнатиком ходили по берегу моря и окрестным холмам. Игнатик собирал раковины и похожие на зверюшек камни. Яр что-нибудь рассказывал: про мушкетёров, про Робин Гуда, про планету Меркатор.

А иногда просто так гуляли, молча. Игнатик был тихий и не улыбочивый. Яр тоже помнил про крепость. Алька, Чита и Данка словно ходили рядом...

С поселковыми ребятами Игнатик не играл. Они его звали несколько раз, а потом оставили в покое. Ребятишки были славные, не задиристые, не обижались на Игнатика за его одинокий характер. Один раз, в праздник, даже сделали ему яркого воздушного змея и принесли в подарок. Этого змея Игнатик раза два запускал с крыши, но снова один, без ребят.

Потом Игнатик нашёл незаметную травку на склоне холма. Пригляделся, упал на колени, осторожно взял, не срывая, стебелёк с разлапистыми листиками. Повернулся к Яру — глаза с искорками.

— Смотри, Яр!

— Что?

— Пятилистник же...

— Ну и что, Тик?

— Это же... Нет, я потом скажу. Ох, почему я раньше не подумал? Яр, нам надо к сухому дереву!

— Куда?

— К сухому... Ой, нет, я потом скажу. Я сначала всё обдумую.

— Думай, — улыбнулся Яр. Он был рад, что Игнатик так оживился.

С того дня Игнатик стал веселее. Сделал себе лук со стрелами (тетиву смастерил из шнурков от башмаков, которые

дала ему тётка). Заставил Яра играть в Робин Гуда...

А через пять дней не пришёл к Яру в диспетчерскую, хотя обещал. При встрече отвел глаза и пробормотал, что забыл. Потом спрятался, когда Яр хотел позвать его в кино. И пошло: то ускользнёт, то опустит глаза и что-то бормочет неохотно. Так он вёл себя целую неделю. И неделя эта была для Яра пыткой.

И в эту ночь, на вахте. Яр мучился: «Придёт или не придёт?»

3

Игнатик пришёл. Рано утром. Яр заметил его из окна. Игнатик брёл в тени длинного деревянного забора – то по скользкой от ночного дождика тропинке, то по мокрой траве. Казалось, он нарочно не выходит на солнце, хочет остаться незамеченным.

Но он всё равно был замечен издалека в своей оранжевой рубашке. Это была та рубашка, в которой он ходил в цирк. Потрёпанная теперь, много раз стиранная и зашитая, она не потеряла своей яркости. Парусиновые шортики обветшали, стали мятые и серые, как мешковина, а рубашка пламенела даже в тени.

На ногах у Игнатика болтались рыбацкие сапоги. В каждый можно было засунуть по мальчишке. Голенища с ото-

гнутыми отворотами тяжело хлопали его по коленкам.

Может, из-за этих сапог Игнатик и шёл так медленно?

Яр подавил желание вскочить и поспешить навстречу. Лишь когда Игнатик остановился у крыльца диспетчерской, Яр вышел на ступеньки.

Игнатик неулыбчиво посмотрел на него и опустил голову. Яр увидел белобрысую макушку с отросшим хохолком.

Яр спустился с крыльца, сел на бетонную ступень, взял Игнатика за повисшие руки, поставил между колен.

Игнатик смотрел в сторону.

Тихо-тихо, осторожно-осторожно Яр сказал:

– Тик... ну, ты чего?

Игнатик переступил внутри сапог тонкими ногами и отозвался, всё так же глядя в сторону:

– Я ничего... Ты сказал, чтобы я пришел. Я вот...

– Что с тобой?

– Со мной? – Он попытался улыбнуться. – Всё в порядке.

– Слушай... Игнатик... Я чем-то обидел тебя, да?

– Нет, что ты, – испуганно и честно сказал Игнатик. Быстро посмотрел Яру в глаза. Потом заморгал и опять отвернулся.

– Тогда почему ты от меня бегаешь?

– Я не бегаю...

– Тик...

– Ну... разве я бегаю?

– Ты не хочешь меня видеть?

– Я... хочу... Просто дела всякие. Тётя всё время просит по хозяйству помочь. И ты работаешь...

– Я не знаю, что и подумать, – беспомощно проговорил Яр. – Может быть, кто-то тебя не пускает? Тётка? Говорит, что пускает, а сама...

– При чем тут тётка? – с пробившейся горечью сказал Игнатик.

– А кто?

Он молчал.

– Тогда кто? – с отчаянием спросил Яр. – Может, кто-то напугал тебя? Или сочинил про меня какую-нибудь чепуху? Или... Я просто не знаю, что подумать! Тик... Может, я сам в чём-то виноват?

Игнатик отрицательно помотал головой.

– Есть же какая-то причина! – почти крикнул Яр. – Игнатик... Ну?

У Игнатика шевельнулись губы. Кажется, он беззвучно сказал: "Есть..."

"Слава богу, это хоть что-то", – подумал Яр. Он приподнял невесомого Игнатика за бока, вынул из сапог и посадил на колено.

– Теперь ты мне всё скажешь. Да?

Но Игнатик молчал. Шевелил пальцами босых ног и не поднимал головы.

Яр ладонью провёл по его заросшему затылку.

– Конечно... Ты ещё маленький, а я почти старик. Мы раз-

ные... Но той ночью, когда я тебя нёс... Ты тогда сам сказал: "Мы с тобой одни на свете..." Я думал, это по правде, думал, мы никуда друг без друга...

Игнатик перестал шевелить пальцами и весь затвердел.

– Сейчас, наверно, ты не так думаешь... – пробормотал

Яр. – Но всё же... ведь не враг же я тебе...

Игнатик беззвучно заплакал. Потом обхватил Яра за шею и уткнулся ему в плечо. Вздрагивая, прошептал:

– Я же не виноват... Они не велят.

– Кто?! – с радостью и злостью крикнул Яр.

– Ну... они... эти... – всхлипывал Игнатик.

– Да кто же, дьявол заberi? Кому какое дело? Кто посмел?!

– Эти... ты не знаешь, что ли?

– Ни черта я не знаю! – ликуя в душе, отозвался Яр. Игнатик был е г о. Его братишка, его сын и друг – на остальное плевать.

– Ну, кто же, Тик? Перестань плакать... Ты же понимаешь, я многого не знаю. Что им нужно от нас? Кто они такие?

– Это... те самые люди... которые приходят и всё велят...

– Откуда приходят? Они здешние?

– Да нет же, – опять всхлипнул Игнатик и повозился, вытирая о рубашку Яра мокрое лицо. – Они не такие... Все говорят, что их нет, а знают, что есть...

– Чушь какая-то...

– Я тоже сперва думал, что чушь. А он пришёл и сказал,

чтобы я не смел...

– Что не смел?

– Приходить к тебе.

– Но почему? Почему?!

Игнатик глянул влажными умоляющими глазами.

– Я не знаю... Говорит, если будем видеться, они убьют...

– Кого? Тебя? – подобравшись, как для атаки, спросил Яр.

– Тебя.

– Бред.

Яр знал, что не бред. Включилось тренированное чувство разведчика и чётко сигналило ему, что рядом есть непонятный враг. Но Игнатик должен жить без страха. Как можно беззаботнее Яр сказал:

– Посмотрел бы я на человека, который попробует меня убить...

– Яр, они могут. Правда.

– Тик... – очень ласково проговорил Яр. – Я прошёл подготовку в высшей школе космических первопроходцев. У меня реакция, как у электронной машины. Я увертываюсь от пули и стреляю без промаха в подброшенный орех. Из-за плеча.

– У тебя, значит, есть пистолет? – живо спросил Игнатик.

– Есть, – соврал Яр.

– Покажешь?

– Да... после. Он в сейфе сейчас.

Лицо Игнатика – похудевшее, в мокрых разводах стало су-

мрачно-строгим.

– Яр, ты носи его всегда с собой.

– Хорошо...

– Обязательно с собой. Яр, они не шутят... Я, наверно, зря тебе про всё сказал... – Игнатик опять чуть не заплакал. – Они не велели говорить, а я сказал. Теперь, наверно, будет плохо...

– Плохо будет тому, кто попробует нас задеть, – очень бодро и уверенно произнёс Яр. – Это я тебе обещаю железно. Поверь.

Игнатик снова – теперь уже с облегчением – ткнулся носом Яру в плечо. Видимо, он устал от страха, от тоски, и сейчас душа его отдыхала. Он уверовал, что космический первопроходец с пистолетом сильнее тех врагов...

Каких врагов? Кто они? Как выглядят?

Обо всём этом надо было спросить Игнатика.

Но спрашивать – значит показывать свою неуверенность. Значит, будить в Игнатике прежние страхи. Яр сказал:

– Видишь, я не боюсь. И ты никого не бойся. Главное, чтобы мы были вместе.

Игнатик слабо улыбнулся и кивнул.

Яр снова погладил его по затылку. Поднял, осторожно вставил в сапоги.

– Зачем ты их таскаешь, такие бахилы?

Игнатик улыбнулся уже веселее.

– Тетка сказала, что такая примета есть: кто целую неделю

морские сапоги не будет снимать ни днём ни ночью, обязательно станет капитаном. Вот я и не снимаю.

– И спишь в них?

– Ага...

Яр хотел рассмеяться, но раздумал.

– Ты очень доверчивый, Тик, – сказал он серьёзно. – Ужасно доверчивый. Тетка сказала тебе смешную шутку, а ты веришь. Какие-то болтуны пришли и наплели тебе всякую чепуху – ты тоже веришь.

Игнатик помолчал. Потом быстро глянул и сказал с лукавинкой:

– Ага, я доверчивый... Вот поверил, что ты есть на свете, и ты правда есть.

Теперь Яр рассмеялся:

– Это ты хорошему поверил. А ерунде верить не надо.

Игнатик выбрался из сапог.

– Я их здесь оставлю. Я домой сбегаяю, а потом опять приду, скоро. Я тебе черешни принесу...

Он и правда скоро вернулся. Прискакал босой, весёлый, с большим кульком белой черешни.

– Вот, смотри, какая в тёткином саду созрела.

Они сели на скамью у пульта.

– Я с тобой буду дежурить, – решил Игнатик.

Вахта была спокойная. Мотоботы вернулись вовремя, аварийных сигналов не поступало, залив под утренним солнцем

лежал пустой и тихий, только еле заметный парусник маячил у горизонта.

– Завтра возьму у Захара шлюпку и пойдём с тобой под парусом на Медный остров, – сказал Яр Игнатику.

– Ой, правда? Я под парусом ещё ни разу... А если шторм?

– Не бойся, на завтра сводка спокойная.

– Да я и не боюсь, если с тобой... С тобой вообще ничего не боюсь... – Он придвинулся поближе.

– Совсем ничего?

– С тобой? Совсем.

– Тогда... Игнатик! Расскажи, что это были за люди.

Он съёжился на миг, притиснулся покрепче, зябко обхватил коленки.

– Игнатик, ты же не боишься.

– Да... Но не хочется про них. Лучше вечером про всё расскажу... Можно, я у тебя буду ночевать?

– Даже обязательно... Только без сапог.

Игнатик серьёзно сказал:

– Ладно. Всё равно я их уже снял... Яр...

– Что, Тик?

– Они... эти люди... по-моему, они знают, кто ты такой.

– Почему ты решил?

– Они говорили: "Зачем ты с ним связался? Всё равно он скоро уйдёт т у д а, к себе..." Яр, ты не уйдёшь?

– Я же обещал: без тебя никуда не уйду.

Весь этот день Яр прожил с ощущением, которое у разведчиков называется «на щелчке». Оно возникает на незнакомых планетах, когда нет ясной опасности, но есть её предчувствие и каждую минуту можно ожидать чего угодно. Защелкнуты гермошлемы и браслеты датчиков, щелчком сдвинуты вперёд предохранители бликов...

Правда, сейчас не было ни шлема, ни датчиков, ни излучателя, а состояние "щелчка" перебивала радость оттого, что Игнатик – вон он, рядом.

Он был рядом целый день. Листал вахтенные журналы, копался в старом ненужном приёмнике, мастерил из его деталей и лампочек смешного человечка. А когда за вечерело, весело сказал:

– Я сбегая, тётке скажу, что буду у тебя ночевать. Ты не уходи пока, я вернусь, и вместе пойдём к тебе.

– Только не задерживайся, Тик...

– Я как стрела!

Едва он умчался, пришёл Феликс.

– Ну что, Яр, всё спокойно на морях? Гуляй, я заступаю.

– Заступай... Феликс, я спросить хочу. Уточнить, так сказать. Мне, как диспетчеру, выдали всё, что положено?

Феликс откровенно удивился:

– Откуда я знаю? А что именно тебе выдали?

– Ну, форму, документы... Аванс... А оружие не полагается? Говорили, что вроде бы тем, кто на суточных вахтах, положен пистолет.

– Бог ты мой, да зачем он на вахте? Пираты, что ли, нападут?.. Ну, вообще-то положен, поскольку диспетчер – это ещё и представитель береговой охраны. Только никто их не берёт, морока лишняя.

– Может, и морока. Но я привык, чтобы всё по форме.

– Скажи Шерифу, он выдаст.

– Надо сказать...

– Скажи... Яр... – Феликс глянул быстро и непонятно. – А тебе игрушка эта только для формы? Или...

– "Или"... – сам не зная почему, сказал Яр. Впрочем, Феликсу он верил.

– Тогда лучше возьми мой.

– То есть?

– Мой собственный. С давних времён остался. Таскаю вот по привычке, никто не знает...

Феликс, усмехаясь, полез за пазуху и вынул небольшой плоский пистолет с ребристой рукояткой. Видно, что старенький – воронёные детали на острых краях были вытерты до светлого металла. Феликс оглянулся и положил пистолет на ладонь.

– Надёжная система, "викинг". Только запасной обоймы нет, всего семь патронов... Ну, надо будет – достанешь. Бери.

– Да, но... так, наверно, не полагается?

– А кому какое дело? Это же мой. Бери, Яр, тебе нужнее... Люблю таких, как ты. Сам вот не потянул...

– Ты это о чём? – с тревогой спросил Яр.

– О смелости, – вздохнул Феликс. И затолкал пистолет Яру в карман куртки. – Бери... Жаль, не удержишься ты у нас, Яр.

– Ты уверен? – тихо спросил Яр.

– Чую...

– Пойду я, – сказал Яр. – Спасибо, Феликс. Пойду встречу Игнатика. Он небось уже летит сюда...

Яр не встретил Игнатика по дороге и слегка встревожился. Вошёл в посёлок. Побеленные каменные домики с односкатными крышами вытянулись в длинную улицу. Дом, где жил Игнатик, был в самом начале.

У крыльца стояла тётка.

– Что-то не торопится наш Игнатик, – сказал Яр.

– Как же не торопится? Уже уехал, – отозвалась тётка и жалобно взглянула на Яра.

– Как уехал?!

– Сосед на бричке проезжал, обещал его подбросить до вокзала. Там, говорят люди, бывает вечерний поезд...

– Какой поезд? – с отчаянием спросил Яр. – Зачем?

– Да вы не знаете разве? – Она всплеснула руками. – А он мне сказал, что только сейчас попрощался с вами! К себе в Орехов, говорит, поеду, там вроде бы всё наладилось... Скучаю, говорит... До станции Мост, говорит, а там уж как-нибудь на ту сторону...

– А как же вы его отпустили?

– А как не пустить? Он и не слушал, встрёпанный такой.

Прибежал, письмо, говорит, дали на почте от той тётки, она пишет: приезжай. И сказал, что вы разрешили. Курточку, что вы подарили, взял, кой-какие вещички в сумку кинул, меня обнял... Я ещё говорю: "Деньги ведь надо на билет..." А он: "Не надо, мне Яр дал, вот смотри..."

"Не давал! – ударила мысль. – Но кто-то дал. Кто-то успел напугать и уговорить за эти полчаса... Гады..."

Думал это Яр уже на бегу.

Глава пятая

ДОРОГА

1

Вокзал находился в двух милях от посёлка. Громадный и странный. Лет пятьдесят назад на берегу хотели устроить большой курорт, но потом то ли раздумали, то ли война помешала. То ли кто-то запретил. А вокзал успели выстроить. Даже не вокзал, а целый вокзальный город. Сюда должны были прилетать самолёты, приплывать пароходы, приходить поезда.

Теперь у громадных причалов изредка швартовались катера и рыбачьи лайбы. На мол со взлётно-посадочной полосой раз в неделю садились трескучие бипланчики местной линии. А по рельсам, спрятанным в полыни, редко и нерегулярно бегал поезд прибрежной железной дороги.

...Яр понимал, что бричку ему не догнать, если двигаться следом. Но был короткий путь – через холмы.

На бегу Яр проверил пистолет. Это была очень простая и, значит, надёжная система. Яр загнал в ствол первый патрон, нажал предохранитель и положил "викинг" во внутренний карман, за пазуху.

"Стреляю без промаха в подброшенный орех, – усмехнулся он. – Пижон, дурак старый". Из оружия с пороховыми патронами Яр стрелял два раза в жизни, в незапамятное время, на учебном полигоне Ратальской школы.

"Впрочем, не так уж плохо стрелял. Может, и не промахнусь, если придётся..."

Тропинка вывела на холм, поросший мелким дубняком. Солнце стояло невысоко, и распахнувшееся впереди море было усыпано блестящей чешуёй. На этом искрящемся зеркале чернели здания вокзала. Он был такой громадный, что многоэтажные корпуса казались приземистыми. Над ними торчала башня, похожая на колокольню Петропавловской крепости.

Чёрная взлётная полоса надвое разрубала сверкающее море.

Яр бегом стал спускаться к вокзалу...

Площадь перед центральным зданием когда-то вымостили ракушечными многоугольниками. Сейчас некоторые плиты исчезли, а оставшиеся были вздыблены и расколоты проросшими корявыми кустами с чёрными ягодами. Кусты хватали Яра за штанины.

Яр остановился. Обогнал он бричку или нет? Если обогнал, где её ждать? Не было заметно, чтобы к заросшей площади вела какая-нибудь дорога.

Не лучше ли поспешить прямо к поезду? Уж там-то Игнатик окажется обязательно.

Яр вошёл в арку центрального входа и оказался в пустом гулком помещении с неимоверно высоким потолком. На потолке он разглядел облупленную картину: два человека с плоскими лицами, в мундирах, аксельбантах и золотых эполетах улыбались и пожимали друг другу руки. Картину окаймляла лепная рама из перевитых розами знамен и сабель.

В дальнем конце зала темнел ряд окошечек. Яр двинулся туда. Под ногами постукивали расшатанные плитки кафельной мозаики.

Окошечки были закрыты. Над ними белело лепное слово "КАССА". В завитках букв скопилась пыль, а на букве "К" сидел рыжий паук. Треснувшая стеклянная табличка извещала: "Уважаемые пассажиры, ездить без билетов запрещается правилами и Вашей совестью".

"Игнатик наверняка будет покупать билет, – подумал Яр. – А может быть, уже купил? Где?"

Яр постучал в окошко, над которым сидел паук. Оно тотчас открылось. Возникло лицо седой дамы, похожей на актрису-пенсионерку.

– Скажите, пожалуйста... – нетерпеливо начал Яр.

Дама сухо произнесла:

– Потрудитесь пройти на платформу, касса работает в летнем павильоне. Поезд до станции Мост уходит в двадцать ноль три.

Окошко захлопнулось, подняв облачко пыли. Яр чертых-

нулся и посмотрел вокруг. Над тёмной аркой увидел выпуклые слова:

ВЫХОДА НЕТЪ ВЫХОДЪ НА ПЕРРОНЪ

Яр мельком удивился твердым знакам и противоречивости надписей и решил поверить той, что ниже.

Туннель был тёмный, только впереди светился полукруглый выход. Яр торопливо двинулся на свет. Ему казалось, что идёт он страшно долго. Мягкий пол будто ехал назад и оттягивал Яра от выхода. А может быть, так и было? Но в конце концов Яр приблизился к солнечной арке и шагнул через медный порог.

Он оказался не на перроне. Перед ним было море и узкий жёлтый пляж с синими и красными зонтиками, с горками для съезжания в воду и круглыми разноцветными будочками. Направо и налево пляж тянулся бесконечно. Позади так же бесконечно тянулись бетонные стены вокзальных зданий. Оконные стёкла слепяще отражали солнце, но кое-где чернели пустые квадраты.

На пляже было многолюдно, это казалось удивительным после пустоты вокзала. Да и вообще – вечер уже, не время для такого массового купания. Но мелькали пёстрые мячи, смеялись ребяташки, монотонно кричал бродячий фотограф.

Яр оглянулся, собираясь вернуться, но недалеко мелькнула оранжевая рубашка.

– Игнатик! – Яр крикнул негромко, сдавленно, чтобы не привлечь чужого внимания.

Рубашка метнулась за голубой киоск с мороженым.

Зарываясь башмаками в песок, прыгая через коврики с разложенной снедью. Яр бросился к киоску. Ему сердито кричали вслед.

За киоском никого не оказалось.

Оранжевая рубашка мелькнула у вокзального здания. Там, в серой плоской стене, была узкая дверца. Игнатик исчез в этой дверце. Яр кинулся следом.

Он оказался в бетонном коридоре, вдоль которого тянулись железные трубы разной толщины. Их коленные изгибы иногда перегораживали дорогу. На изгибах торчали колеса вентиляей. Пахло ржавчиной и тёплой сыростью. Вдали быстро простучали подошвы.

– Игнатик!

Всё стихло. Даже эхо увязло в мягкой духоте.

Коридор, закругляясь, привел Яра в подвал. Солнце почти горизонтально врывалось в квадратные оконца у потолка.

Подвал был полон якорей.

Это был целый музей якорей. Царство якорей. Мир якорей.

Кладбище якорей...

Якоря лежали, стояли, косо навалившись друг на друга, на

стены и на каменные столбы. Здесь были классические адмиралтейские якоря с истлевшими деревянными штоками, знаменитые якоря Холла с теплоходов и стальных крейсеров, старинные якоря-кошки. Якоря всех конструкций и видов: двурогие, однорогие, многорогие. Грибовидные и винтовые. Маленькие, от рыбацких лодок, и пятиметровые великаны от океанских кораблей. Все ржавые и забытые.

Яр мельком подумал, что если якорь – символ надежды, то здесь кладбище многих-многих надежд.

Между якорями лежали и висели лохматые от ржавчины цепи. Звенья у некоторых были с колесо мотоцикла.

Яр прыгал через цепи, стремясь в ту сторону, где ему опять слышался топот мальчишечьих ног.

– Игнатик, подожди!

Крик запутался в этом железном лесу, погас...

Яр налетел на кирпичную стену, кинулся вдоль неё, увидел металлическую лесенку, бросился по дребезжащим ступенькам. Лесенка, круто ломаясь, повела вверх внутри узкой шахты. Горели пыльные лампочки в проволочных клетках. Проржавевшие ступени иногда гнулись под ногами. Стало ясно, что Игнатик здесь не пробегал. Вернуться? Нет, бессмысленно гоняться по лабиринтам. Лучше выйти к поезду и встретить Игнатика там.

Лестница привела в квадратную комнату – пустую, белую, без окон. Мягко светил плафон. Чернела обитая кожей дверь. Яр дернул её.

Он оказался в небольшом зале. Блестел светлый мрамор, горели электрические канделябры. За овальным столом сидели похожие друг на друга люди – в тёмных костюмах, с гладкими неподвижными лицами.

– Что вам угодно? – бесцветным голосом спросил один.

– Мне угодно выбраться на перрон, – резко сказал Яр.

Человек невозмутимо разъяснил:

– Вам следует вернуться. Выход на перрон через соседнюю дверь.

Яр шагнул назад – он забыл в этот миг, что в белой комнате другой двери не было.

Впрочем, и самой комнаты не было. Яр увидел что-то вроде большого склада. По нему сновали молчаливые люди в серых халатах. Они грузили на тележки с мягкими колёсами длинные тюки.

В этой молчаливости, в тусклом свете лампочек, в запахе грязной ткани была тоскливая мрачность. словно грузили обёрнутые мешковиной трупы. Но, конечно, это не так. У стен Яр заметил штабеля каких-то одинаковых гипсовых статуй. Скорее всего, их и увозили куда-то.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.